

Современная история ПЕТРА И ФЕВРОНИИ

Анастасия Бароссо

18+

Анастасия Бароссо

**Современная история
Петра и Февронии**

«Автор»

2026

Бароссо А.

Современная история Петра и Февронии / А. Бароссо —
«Автор», 2026

Провинциалка Фрося не могла и подумать, что в Москве выйдет замуж на истинного мажора. Не знала - какими жизненными испытаниями для нее это обернется. Не ведала, что обман, предательство и жестокость могут привести ее к самой настоящей Любви. И уж тем более не понимала, что в 21-м веке она и ее возлюбленный в точности повторят необыкновенную историю любви Святых Петра и Февронии Муромских из 11-го века!

© Бароссо А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наше время	5
Глава 2. Одиннадцатый век	6
Глава 3. ФРОСЯ	7
Глава 4. Февроша. Детство.	11
Глава 5. ПЕТЮНЯ	13
Глава 6. ФРОСЯ	17
Глава 7. Февроша. Юность.	22
Глава 8. ПЕТЮНЯ	25
Глава 9. ФРОСЯ	27
Глава 10. Февроша. Федор	36
Глава 11. ПЕТЮНЯ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анастасия Бароссо

Современная история Петра и Февронии

Глава 1. Наше время

Фрося вздрогнула, приподнялась на постели

-Что, мам?

Из прихожей в темную комнату скользнул яркий оранжевый луч.

-Вот, возьми с собой.

-Что это?

Фрося с удивлением и некоторой, совсем, правда, слабой досадой, взяла в руку нечто маленькое, завернутое в лоскут белого ситца.

-Это иконка... бабушкина. Она говорила – твоя будет.

-Зачем?

Фросино терпение, впрочем, как и нервы, приближались к своему пределу. Она с участливым пониманием вела всю последнюю неделю длинные, тревожно-бессмысленные беседы с мамой, которые неизменно сводились к одному и тому же. С добродушной снисходительностью наблюдала ее сегодняшнюю нервическую суету, которая свелась к двум спортивным сумкам и старому чемодану, тесно набитым совершенно лишними вещами и предметами. Фрося все понимала – она всегда была нежной, любящей и довольно послушной дочерью. Но сейчас ей показалось, что все это уже как-то слишком.

-А это уже не слишком?

-Возьми. Мне спокойнее...

Фрося устало вздохнула.

-Хорошо, мам.

Не зажигая света – в окно лился тонкой струйкой серо-желтый, лунно-фонарный отсвет летней ночи, Фрося встала, прошлепала босыми ступнями по прохладному линолеуму. Поразмыслив с минуту, она расстегнула молнию на боковом кармане одной из сумок и спрятала туда, на самое дно, под шуршащие пакеты с умывальными принадлежностями и чистыми носками, маленькую, завернутую в лоскут белого ситца, иконку.

Глава 2. Одиннадцатый век

«...Витязь остановился. Неспешно поднял руку к горлу – и пала широких плеч глубокая, темная в полумраке ночи лазурь тяжелого бархатного плаща. И как по волшебству разлилась, подобно застывшему ручью, кругом зеленых сафьяновых сапог витязя. Теперь спина его серебрится, потому что одет он в кольчужную рубаху с короткими рукавами. На голове его круглая шапка, из-под шапки же ложатся на шею мягкие кольца волос цвета кипенного пепла.

Тихим призраком двинулся диковинный воин дальше, в темную глубину обширных палат. Только тень его растет, поднимается все выше на багровых стенах, будто былинный великан, а шаги его не слышны. Но каждый из них отдается в груди низким, гудящим колокольным звоном. Их легко счесть, каждый шаг сходится с ударом ее сердца. И шагов этих ровно двенадцать...

Глухой вскрик, жуткий своею безвыходною обреченностью, раздался в глубине палат. Вдруг красный свет факелов задрожал испуганным зверем в глубоких темных альковах, замесалось зарево по сводам потолков, витязь тряхнул светлыми кудрями. Слетела, покотившись по полу с головы его сафьянная отороченная черным мехом, шапка. Но не видно его лица.

Звон! Это витязь выхватил из ножен легкий меч. Закаленный клинок сверкнул под сводами княжеских палат, и от света его озарилось на миг как от вспышки гневной молнии широкое ложе.

Там, на темных матовых шелках переливается белым мехом одеяло, а под ним замерли ослепленные любовники. Только вскинула бледные как снег руки молодая княгиня. Лишь повернул голову нависший над нею - смуглоспинный, черноволосый. Странно и страшно блистают на тревожно знакомом лице чужие, азиатские, словно бы змеиные глаза. Кривится злою усмешкой красивый рот в искусно подстриженной бороде, изо рта же выскальзывает черный раздвоенный язык. И змеиный сип, ударяясь о своды, опадает, шурша, по стенам. Шумят, бьют воздух красно-черные, кожистые крылья. И вот уже не любовник обнаженный поднялся над ложем, а змей крылатый, шипящий и жалящий черным раздвоенным языком своим бледную шею витязя!

...Кричит страшно, не смолкая, белоснежная княгиня, сбилась в комок на ложе... И тяжело, и знойно и больно дышится той, кто видит все это воочию - словно стоит там чуть поодаль в одном из затемненных альковов. И жутко и в то же время - покойно ей, когда она чувствует жар из глотки змеиной на своих щеках и слышит сатанинское шипение из бездонной пасти. Будто бы, так и нужно. Будто, ведает она, отчего все так, будто знает - так и должно быть.

Медленно, трудно, словно в крутом взбухшем тесте, вязнет светлый меч в темном воздухе... но опускается на чешуйчатую голову змия. И видится ей - не меч это вовсе, а крест, сверкающий во мраке. Хруст костей, треск и ужасный смрад наполняют все, хлынула черная зловонная кровь из головы змия. Тогда хлынули слезы из глаз у той, кто это видел.

Падает светлокудрый витязь замертво. И не видно его лица, залитого пузырящейся змеиной кровью...»

Глава 3. ФРОСЯ

Фрося лежала оглушенная, неподвижно глядя в желтоватый, как много раз стирания футболка, потолок. А когда мама тихонечко заглянула в приоткрытую дверь, Фрося притворилась, что спит. Дверь закрылась, и мамины шаги неслышно зашелестели по крошечному типовому коридору. Значит - не пора еще. Если бы пора – мама принялась бы нежно, но настойчиво будить Фросю.

Фрося Князева уснула лишь с рассветом. Уснула – будто провалилась в другое измерение. Очнулась в слезах. С бухающим в горле сердцем. С потным лбом. Говорят, из таких сновидений душа может не вернуться – так там и останется, в далеких мирах, куда залетела по только ей одной, душе, ведомой надобности. И человек не просыпается. Считают, что умер во сне.

Ушедшая ночь была, наверное, обычной. Как все прошлые и будущие летние ночи в Североуральске. Так же заливались над шахтами соловьи, так же хрипели, горячо дискутируя, алкаши на пустыре. Те же запахи сирени и гари взбирались по серым кирпичным стенам, чтобы неслышно проникнуть в открытые форточки. Обычная ночь - для кого угодно, но не для Фроси.

Ольга Ивановна Князева, учитель математики Североуральской средней школы, поднялась сегодня ни свет ни заря - как раз когда Фрося уснула. Силась не производить – и не производя почти ни звука, кроме легкого шуршания и нежного позвякивания, прошла на кухню где сварила себе кофе. Покуда кофе остывал, она замерзла под утренним ветром из приоткрытого окна, вернулась в свою в комнату, чтобы накинуть халат. А когда уже в халате она присела за пластиковый стол, кофе был неприятно прохладным. И Ольга Ивановна стала варить новую чашку. Которую, впрочем, тоже не выпила. Потому что спохватилась вдруг, кинулась к двум пухлым дорожным сумкам и чемодану в прихожей, хоть знала, что с вечера все собрано и десять раз проверено.

Она открыла тугие заржавленные замки чемодана и еще раз перебрала сухими пальцами нежные девичьи вещи. Невольные слезы подошли к глазам, но не пролились, лишь собрав на лбу и у глаз дрожащие морщины. Не сейчас. Потом, еще будет время поплакать. Единственная дочь Ольги Ивановны Фрося уезжала сегодня дневным поездом в Москву. Учиться жизни.

«Учиться жизни» - именно так обе они стали это называть после долгого смущенно-нервного телефонного разговора с тетей Ниной. Сестра покойного Фросиного отца Нина Князева жила в Москве и, что немаловажно, преуспевала. Именно она это и сказала: «А что, пусть приезжает! Хоть жизни поучится...».

Определение как-то сразу прилипло к сознанию и к языку - при всей своей туманности оно как раз наиболее ясно отображало смысл поездки. Потому что в отличие от многих других Фрося не ехала в столицу делать карьеру – она была для этого слишком наивна и знала это. Не ехала она также и зарабатывать большие деньги – для этого она была недостаточно жадна и тоже об этом знала.

-И зачем ты едешь? Доню?

Спросила Ольга Ивановна, стоя у стола на кухне, где любовно приготавливала для дочери бутерброды с острым литовским сыром. Ответа она не ждала – ей ли не знать, (тем более, что только недавно сама же втолковывала сонным шестиклассниками) о том, что на риторические вопросы ответов нет. И ответа действительно не было. Фрося, умытая, одетая уже по дорожному – в джинсы, мокасины и просторную рубаху, с туго заплетенной косой, сидела за кухонным столом и безуспешно пыталась ответить на этот вопрос самой себе. Но не могла.

-Надо, мам. Сама знаешь.

-А зачем надо? Кому?

Фрося знала – не только из книг и телевизора, но и из жизни, правда чужой – да вот хоть из тети Нининой, что «Всего на свете можно добиться, если очень сильно этого захотеть!». И

это просто замечательно, только вот загвоздка – как быть, если ничего такого не жаждешь добиваться? И жаждешь, сама не знаешь чего, разве что... покоя? А тогда не понятно – чего не сидится на месте? И зачем, не давая этого самого покоя, ей снятся тревожащие, куда-то зовущие сны?

Впрочем, по любому нужно ехать в Москву. Фрося сама выбрала такую специальность, с которой у них в городке делать нечего. Да и тетя Нина – вот удача, без проблем согласилась приютить племянницу. В общем, все одно к одному – и страшно и нужно. А зачем? Там видно будет.

-Надо - и все. Мы же вместе решили, правильно? Что уж теперь... Не волнуйся. Не получится – вернусь.

Ольга Ивановна поймала себя на том, что сильнее всего ей хочется именно этого. Она тут же прогнала сладкие, но трусливые мысли. Куда возвращаться то? Было бы куда, а то... Фросю сейчас волновало другое.

-Мам, а помнишь, мы читали где-то, что бывают такие сны, откуда душа не возвращается?

-Тебе приснилось что-то? - с тревогой в голосе обернулась от плиты Ольга Ивановна.

Она в сны не верила, во всяком случае - как те идиоты в «потустороннем» ток-шоу, что недавно показывали по кабельному. Но были в семье истории, несколько, пара или тройка, когда сны сбывались. Предвещали они очень важное, глобальное и почти всегда не радостное. Потому и помнились, передавались из поколения в поколение в маленьких семейных легендах.

Например, вот, бабушке Ольги Ивановны пригрезился роскошный прилавок со всеми видами сырого мяса, и вскоре у бабушки обнаружили рак... Да и самой Ольге Ивановне снилось, как она всю ночь бегала по каменным водосточкам за двумя скользкими осетрами и никак не могла их поймать. А на другой день случился у нее выкидыш на большом сроке. А то был бы у Фроси старший брат... Вспомнив об этом, Ольга Ивановна вспомнила покойного мужа и отголоски прежнего, далекого счастья прогнали волну оптимизма по штилю материнской души, опасному как перед штормом.

-А что хоть приснилось то?

-Да так...

-Рыба снилась?

-Нет.

-А крысы?

-Нет, крыс точно не было.

-Мясо? Мясо снилось?

-Н-нет, вроде бы...

Фрося подумала, можно ли считать мясом отрубленные драконьи головы. И решила, что не стоит.

-Ну, это, может, еще и ничего... может - к хорошему...

Они помолчали. Просто завтракали, делая вид, что ничего особенного, необычного и тревожного с ними не происходит. Да, в общем, ничего и не происходило. Вся более-менее вменяемая молодежь разъезжалась из города кто куда мог. Дошло до того даже, что у Фроси почти не осталось здесь школьных друзей и подружек.

-Может, хоть замуж выйдешь, дочь... У нас то - сама знаешь.

-Знаю, – смиренно ответила Фрося.

Все это время она невольно вслушивалась в хриплую ругань уже разбушевавшихся алкашей под окнами. И все острее понимала – муторный, но уже такой привычный, как молочные сосиски, страх провести здесь всю свою такую же муторную и привычную жизнь, этот страх неизмеримо, несравнимо легче (если положить на чаши весов, как клали в ее недавнем детстве сосиски и гирику) того чугунного ужаса, который вызывал отъезд. Если честно, вызывал все-

гда. Но теперь - после этого слишком уж странного, явно не простого сна, теперь – за полчаса до отъезда, он грозил обернуться паникой.

- Н-да... С таким имечком да с такой внешностью – только замуж в Москве и выходить...

-Ох, не грехи ты хоть на внешность то! Красавица моя... Где они там такие волосы найдут? А? А глаза? А фигуру?! Ты же...

-Я знаю, знаю, мам. Для тебя я – самая лучшая.

-И не только, - убежденно отрезала Ольга Ивановна, - А имя... Во-первых, бабушка Ефросинья была красавица и от имени своего никогда, насколько я помню, не страдала.

-Угу. Особенно если учесть, что ты и не можешь помнить ее школьные годы. Потому что тебя тогда еще на свете не было.

-Да там сейчас, если хочешь знать, это самая мода!

-Да-да-да...

-Да-да! Ты вот телевизор не смотришь, а я знаю! Все артисты своих детей старыми именами называют – кого Марфа, кого Фрол, а кого вообще... Савва. Правда-правда.

-Хорошо, мам. Верю.

-Ну, ничего. Ничего, – щебетала Ольга Ивановна сама себя успокаивая, - Ох, вот хоть и грех так говорить и думать, а вот и порадуешься, что у Ниночки нет детей.

-Почему, мам?

-Как почему, доню? Были бы у нее дети, разве согласилась бы она так легко принять тебя, почти незнакомую, да еще на неопределенный срок, да еще... Да и никто бы не принял, кому это нужно?

-Я постараюсь ее долго не стеснять, мам.

-Ты не об этом думай, ты вот лучше думай...

Ольга Ивановна замолчала. Она и сама не знала о чем нужно думать Фросе, кроме того, чтобы «учиться жизни».

-Ты ведь у меня талантливая, вон какие узоры вывязываешь. Да только там таких...

-Много, я знаю, мам. Не волну...

Длинный автомобильный гудок под окнами заставил Ольгу Ивановну вздрогнуть. Второй, такой же – и Фрося медленно положила на тарелку недоеденный бутерброд. Третий они не слышали. Потому что уже стояли у дверей лифта.

Дядя Коля по кличке Старый, сосед с первого этажа должен был на своей старенькой Волге подбросить Фросю до станции. От маминого провожания до поезда Фрося отказалась категорически. Как и от чемодана, решительно ограничившись сумками. Иногда она могла быть твердой. И эта твердость была непробиваема абсолютно - как та самая танковая броня. Ибо закалялась на страхе, то бишь, на инстинкте самосохранения. А инстинкты у Фроси были хорошие – это все, что досталось ей в наследство от бабушки, как говаривала не без затаенной гордости Ольга Ивановна.

-Зачем едет то? Все едут и едут, мать их за ногу...

Для порядка, как всегда возмущался Старый, раздраженно втискивая сумки на заднее сиденье.

- А здесь кто будет жить?! А?

-Что тут жить?! – так же для порядка всколыхнулась, было, Ольга Ивановна.

-Да ладно, мам...

Фрося использовала задержку, чтобы лишний раз поцеловать такое домашнее под байковым халатом мамино плечо. От теплого, душного запаха картофельного супа и крема «Вечер» вдруг защищало глаза как от злого лука.

-Ну, доченька, с Богом!

Дверца Волги громынула. Ольга Ивановна, отважно улыбаясь, трижды перекрестила черную гарь, зловонными клубами отделившую Фросю от прежней жизни.

-Ну что? Замуж, небось, хочешь там выйти?

Старый отвлекся от дороги, чтобы просканировать замершую на переднем сиденье Фросю тем фирменным, характерным прищуром, что свойственен таксистам со стажем. Он как нельзя лучше демонстрирует клиенту опыт, проницательность и жизненную мудрость водителя.

Фрося по понятным причинам не ответила.

-Ну, я-асно. А то – зачем же еще? Выйти замуж - не напасть. Как бы с мужем не пропасть!

Старый был уверен, что сообщил Фросе нечто чрезвычайно ценное, и явно довольный собой, дальше удовлетворенно и торжественно молчал. Только один раз матюкнулся на радио, повествующее об очередных прибавках к пенсии.

В поезде Фрося уснула на удивление быстро - сказалась прошлая бессонная ночь. Перед закрытыми глазами то плыли, то дергались как лоскуты старинной тяжелой одежды обрывки давешнего видения...

И незаметно те тревога и жалость и боль и смятение, испытанные в недавнем сне, как странное предчувствие, вернулись к засыпающей Фросе. А, вернувшись, захватили гораздо сильнее реальной жизни. Так что и не успела она додумать мысль, которая засела в голове после фразы Старого: «А зачем я действительно еду?».

Глава 4. Февроша. Детство.

«...Резвится румяное лето после бледной зимы - что дите малое, вырвавшись из-под строгого родительского призору. Шумит собачьим лаем, коровьим мыком, гусиным гоготом, трясет зелеными кудрями деревьев, шепчет шорохом трав, звенит птичьими трелями, гудит пчелиным да шмелиным гудом, смеется людскими голосами. И так то везде.

Только на дворе у Истяслава-бортника сегодня непривычная, диковинная тишина. Бабушка Добродея – Истяславовая мать, вчера под закат пришла из лесу, легла на полати отдохнуть, и не поднялась утром как обычно. Лежит - молчит, ни есть, ни пить не просит, глаза закрыты, а вроде – дышит.

Соседки ближе к вечеру собрались у заводи, где воду всегда набирают, и давай плести языками узорочье бесконечное, будто чекань на медном браслете – слово за слово цепляется, а мысль по кругу вьется

-Добродея то давно уж еле дышала, а все в лес ходила - с русалками дружбу водить...

-А тебе завидно! Может - и с лешим, так что с того?

-Да мне то ничего.

-Как – ничего? А когда мужа твоего в прошлом году трясовицей к палатам прибило, к кому ты пошла?

Невдалеке, на пологой отмели дети затеяли городище из ила созидать. Руками рвы роют, щепкой ямы копают, водой из горстей реки льют. Отошла от них чуть поодаль маленькая Февроша, внучка Добродейна, любимица – стоит, травинку сладкую жует, овода тряпицей отгоняет. Слушает.

-Мой то Услад - сейчас вон какой детина, подковы пальцами гнет, а ведь чуть не отошел - трех лет от роду не было... никогда не забуду...

-Так, конечно. Только ведь она идолам кланяется, а это – нельзя.

-То уж ее дело. Добродея на свете белом столь прожила - сама разберется, чего нельзя... А только руки – целебные!

Вихрастый Федька, низенький да крепкий, как кустик ореховый, подбежал, дернул игручку за руку:

-Пошли, Февроша...

И побежали все вместе шумной воробыиной стайкой ближе к домам, на цветочный луг. Ловить сухих, бурых как камень, пугливых ящерок, кузнецов да стрекоз разглядывать. Чернобровая Матрешка личико от пахучей травы подняла, бубликом ротик удивленный скруглила:

- А правда ли, будто твоя бабушка – ведьма?

Февроша глянула не нее серьезно, подумала немного, косу русую и без того пушистую, пальцами растеребила.

-Не ведьма, а... целбница.

-Это все одно.

А что? Может – и так. Знали все - ходит, ходит бабушка Добродея к старому погосту, туда, где в лесу на заветной поляне стоят древние идолища – Велес, Перун и Дажьбог. Стоят почерневшие с одной стороны, с другой – зеленые, мягким мхом поросшие. Давно туда не идут люди, и зарастает тропа к заветной поляне.

Как-то прокрались дети за ней, за бабушкой Добродеей. И жутко и занятно! Подползли сквозь густой папоротник уже близко-близко к старому святилищу. Тихо, даже птиц не слышно. Только белки рыжие прыгают вокруг, охраняют прежних богов. Вот уж три деревянные маковки сквозь листву проглядывают – сейчас, сейчас косматый дядька-леший из трухлявого пня поднимется, сейчас русалки станут вокруг Добродейны хоромы водить! Затаили дыхание – сейчас, сейчас тайну увидим... да ветка хрустнула под чьей-то неловкой коленкой.

И как дунули оттуда, стремглав, пути не разбирая! Потом долго сердца не могли унять... Так и не узнали тайны.

-Целебница, целебница! Ха-ха-ха!! Вот выдумала! Ха-ха!

Смеется Матреша звонко, а Федя вихрастый молчит, серые глазищи переводит с одной подружки на другую. Чего-то опасается? И не зря! Рослый не по годам, худой как жердь, но уже плечистый Матвей – старший внук Добродее вступился за сестру. Поднял длинные смуглые до локтя руки, шевелит пальцами – чисто паук к мухе подступает к Матреше.

- А вот я бабушке скажу - явится к тебе ночью домовой, если будешь дразнить! У-у!! У-у-уууу!!!

Убежали с визгом. И бросили сверчка с перекинутой зеленой ногой – точно травинка согнулась. Взяла в чумазую руку, погладила, бабушкины наговоры вспоминая. Она их знала все наизусть, только не понимала ничего. Когда бабушка исцелять возьмется, Февроша всегда рядом - будто кто на веревке ее тянул. И не играми, ни сладостями не выманить, часами, бывало, слушает, глядит, затаив дыхание. О чем мыслит - кому ведомо?

А бабушка не запрещала - только очень близко не подпускала. Но ярким глазом поглядывала на внука – как та слушает? Иногда что и скажет, иногда – обнаружит... А сверчок скок из-под пальца, да и в траву! Вот так то и с людьми. Не всегда, но – часто.

...Весь день пролежала бабушка, тихо дыша. А на закате вышла из избы.

Облако над лугом повисло – слоеное, пышное, густое, и – розовое, точно кисель земляничный. Сквозь его середину лучи желтые стрелами пробиваются, будто кто нарочно дырку в облаке рвет, чтобы землю видеть ловчее. Старая Добродее тяжело опустилась на скамью под яблоней, обняла внука, сказала:

-Нынче уйду, Февроша.

-Куда?

-К Нему!

И показала рябой, желтой рукою на небо – прямо в облако. А так там красиво и хорошо! Неужто, Он для бабушки алые перины постелил?

-И я с тобой хочу.

Посмотрела на внука долго, ласково. Прижала сухими губами нахмуренный детский лобик.

-Тебе еще рано. Но - и ты будешь.

-Скоро?

-Нет! - засмеялась старуха, - Это счастье. Бояться - не надо... а еще больше счастье вместе с любимым человеком туда попасть. Мне вот не довелось...

Помолчали вместе об этом, они так часто молчали – старая да малая. И хорошо, и тоскливо молчать, глядя, как румяная пенка тает на небе, будто на черничном варенье.

-Ты исцеляй людей. Люди спасибо скажут.

-Как?!

-Он поможет.

-ОН? Это тот, кто за облаком прячется?

-Угу, тот самый.

-А говорят, тебе леший да русалки помогают?

-И они, и они...

-А как же - Он?

-Он везде. И Он – один. А раз русалки мне помогают, значит - Он так решил...».

Глава 5. ПЕТЮНЯ

Петюня Глебов рассеянно скользнул голой ступней по острым вершушкам молодых травинок. Это оказалось приятно. Он повторил щекочущее упражнение еще несколько раз – туда-сюда, туда-сюда. И улыбнулся верности недавно принятого решения – скинуть на фиг ботинки вместе с носками.

Решение, кстати, не из легких. Не каждый смельчак, а лишь особенный – такой, как Петюня, посмел бы явиться босым на столь помпезное мероприятие! Но вот уже скоро полчаса как новенькая пара спортивных «Гуччи» из последней коллекции «весна-лето» небрежно валяются в стороне.

-Э-э, здравствуй... гм... Петр. Живописно возлежишь.

Смущенный румянец заката вспыхнул внезапным стыдом, но быстро и бесследно растворился в зелено-желтом цинизме прищуренных глаз Стефана.

Глаза его – некрупные и почти без ресниц, странной, неестественно правильной формы, как два нарисованных по шаблону эллипса, напоминали змеиные. Что отнюдь не мешало Стефану быть ведущим фотографом одного из глянцевого журналов, денди и ловеласом. И сиять неброско и стильно, как сияли последние лучи в желтом золоте его галстучной булавки.

-Если включить меня в композицию, будет прямо Моне. «Завтрак на траве». Вот только обнаженной красавицы не хватает, а так – вполне...

-А-а, здорово... чувачок. Кому не хватает? Вон же их сколько...

Небрежность ответного приветствия, откровенно намеренная, граничила с хамством. Словно этим можно было хоть немного подпортить безупречность Стефанового костюма, совершенство прически и безукоризненность аксессуаров. Конечно, ничего такого не произошло. Но тонкое, немного змеиное лицо не мгновение потеряло светскость, когда его изломала досадливая гримаса. Тон изменился тоже:

-Петя. Не перелег бы ты в другое место? Знаешь ли...

-Не по-о-онял!

Петюня, приподнявшись на локте, умудрился оглядеть стоявшего над ним Стефана сверху вниз.

-А здесь я тебе типа - вид порчу?

-В общем, да, - Не без удовольствия согласился Стефан, - Ты удивишься, но некоторые люди работают... даже сейчас. В общем, скоро здесь будут снимать... для «Муз ТВ»... как раз на этом месте и...

-Ну, вот когда будут - тогда и перелягу!

Ведущий фешн-фотограф, сочтя неприятную миссию исполненной, поспешил удалиться. Слишком чудный вечер, чтобы портить его препирательством с молодыми хамами, даже если этот хам – брат главного редактора.

А вечер начинался подлинно волшебный. Прозрачно-розовые облака выдувались из теплых губ ветра пузырями клубничной жвачки. Звуки виолончелей и скрипок томили души присутствующих столь же сладко и неумолимо, как томили их тела предвечерние лучи дорвавшегося до жизни июньского солнца... Райский покой царил вокруг безраздельно. Но недолго.

-Петюнь, иди к нам!

-Действительно, Звездный Мальчик, ты нас совсем игнорируешь. Такой красавчик должен быть с красивыми женщинами!

-Да ты не смущайся, Петюнь. Налей-ка лучше девушкам вина.

Последняя фраза мягким алюминием Дашиного голоса царапнула воздух. Сама Даша вскинула высоко над головой руку с бокалом. Браслеты на истонченном запястье звякнули властно, даже повелительно. Непросто, совсем непросто было вообразить, что эта рука завис-

нет в воздухе, так и не дождавшись внимания. Петюня получил несколько мгновений чистого удовольствия, представляя себе это. Но, представляя, уже поднимался с травы, июньский сок которой щедро напитал белоснежные Петюнины брюки.

Он единственный из гостей был здесь одетым не в смокинг. И этот факт радовал Петюню наивно и эгоистично - как ребенка, которому разрешают забираться с ногами на диван и мусолить в руках кусок сыра, в то время как остальные чинно позвякивают столовыми приборами. Радовал не меньше, чем возможность извальять в зелени шикарный льняной костюм. Официант уже спешил к ним от стойки с напитками. Но Даша хотела не вина. Она хотела, чтобы Петюня приблизился к их столику.

На фоне густого, лоснящегося как синтетический ковер газона, вокруг ажурного столика расположились три нимфы. Они расположились настолько комфортно, насколько это вообще возможно, когда пластиковые стулья чувствуют себя на неровной земле почти так же шатко, как чувствуют себя на ней сами нимфы в вечерних платьях и шпильках от известных марок. Высота шпилек и известность марок была строго пропорциональна занимаемой должности.

-Ну-у-у, наконец - наше солнышко с нами.

-Солнышко, посвети нам чуть-чуть, мы без тебя завяли!

Петюня, высокий загорелый блондин, разлил по подставленным бокалам «Риоху» 1982 года лениво и просто - как пиво в пластик. И отвлекся снова.

-Н-да, забаловали мы его в конец...

-Его и забаловать не грех. Кого же баловать? Как ни крути - самый завидный жених в Москве!

-Завидный – Пашка, - беззлобно огрызнулся Петюня через плечо, подходя к группе оживленных нарядных мужчин.

-Пашка! Скажешь тоже... Что нам Пашка? – Верочка стрельнула умело накрашенными глазами по сторонам и понизила голос, - Пашка – отрезанный ломоть, кому он...

-Тсс...

-Вот ты – другое дело. Мальчик – одуванчик! К хорошей женщине попадешь, станешь человеком...

-И поторопись! А то приберет к рукам, неровен час, хохлушка какая ни будь...

-Вот – точно.

-Ох, не говори, тьфу-тьфу... Давайте лучше выпьем, дамочки.

-За нас!

Бокалы, соединившись на миг, звякнули подобающе тонко. И вино оказалось теплым и терпким, как положено. Но за солнечными улыбками на лицах нимф просквозил холодок тревоги.

Понятие «хохлушка» давно стало ночным кошмаром этих прекрасных, изысканных женщин. Затаенной, вытесненной в подсознание фрейдовской травмой. Они смутно, а порой и явно чуяли в уютном, ласковом словечке страшную угрозу той приятной, тщательно культивируемой искусственности, что сквозила у них во всем – буквально от корней волос до кончиков ногтей. Ибо несокрушимая, первобытная женственность жила в пахучих густых борщах, варениках с творогом и бюстах пятого размера, что характерно - без всяких операций.

...Юбилейный корпоратив журнала «Сергей» был в самом разгаре. Десять лет на рынке – это, как ни крути, победа. И победа праздновалась с подобающей помпой, по последней моде. На опен-эйре в усадьбе «Кусково» было все, что подобает случаю - и белые шатры, и длинный фуршетный стол и ВИП-зона. Нахальные журналюги и скандальная ведущая, ядовитая, как улыбающаяся гюрза. Струнный квинтет и придворный клоун – ну, вся королевская рать.

-Много не пей,

– бросил брат, когда проходил мимо, торопясь навстречу очередной запоздавшей «звезде».

-Не буду, - смиренно согласился Петюня.

Петюня был душа. Спокойный, сговорчивый, веселый по-детски, во многом тоже благодаря брату. Глобальная, какая-то даже вроде бы врожденная взрослость Павла давала Петюне право на бесконечное, счастливое детство.

Петюне как всегда на таких мероприятиях было немного скучно - поэтому он как всегда быстро напивался. Немного противно, немного неуютно. Он больше любил поорать с ребятами в спорт-баре, запивая огромной кружкой пива гармоничный по размерам кусок мяса. Однако, он всегда исправно посещал эти суетливые тусовки, и обязательно будет посещать впредь. Не такое уж обременительное времяпрепровождение. Только голова завтра будет трещать, да перед глазами надушенные тетки в макиях помелькают с полночи, и пропадут. Ради брата Павла Петюня был готов и не на такое.

Пашка был ему не то что как отец, а больше. Стержень, на котором держится мир вообще и Петюня в частности. Пашка был идеален во всем, что ни возьми – начиная с образования и заканчивая маникюром. Тем горше было Петюне от того, что и у этого Ахилла, как у любого другого, имелась своя пята. Несчастлив был Пашка с женой.

Никто этого не знал. Никто как бы не видел. И уж точно не говорил. Но Петюня, признательный, неглупый, любящий, смутно чувствовал многое. Хотя, Павел сам часто говорил: «От жены требуется быть в меру презентабельной, совсем чуть-чуть дурой и уметь какое-то время обходиться без меня – не более...». Он всего добивался, чего желал. Добился и этого, причем - в точности. Но от того, что брат когда-то этого хотел, Петюня не меньше, а только больше расстраивался, видя, как неприметно для всех сникают Пашкины плечи под смоляным смокингом, как напрягаются ухоженные загорелые пальцы на запотевшем бокале. От которого тот отхлебнул за вечер максимум пару раз. Хозяин праздника должен быть «в себе».

Петюня уже как сквозь вату в ушах слышал голоса зовущих его женщин - сотрудниц журнала. Они, вообще, были неплохие девки – милая, немного нелепая и позитивная Маринка, упертая карьеристка Даша, куколка-Верочка... Но, несмотря на невидимую вату в ушах, звонкие голоса их слишком резко и противно вонзались в мозг. Как нож в тот самый торт до неба, что раскромсал только что Павел Глебов под вспышками фотокамер.

-Ну-уу, а-аааа теперь настал торжественный моме-ент!!! Мы вручаем премию нашего журнала самому гламурному мужчине этого года! – пророкотал в микрофон вальяжный, как Воланд в молодости, ведущий.

На открытый подиум потянулись фешн-фигуры. И ходячие манекены в брильянтах, выданных напрокат одной известной маркой, принялись вручать ценные призы, истово молясь про себя, чтобы дополнением к призу оказались они сами.

«Нет, но как все продумано!», - в который раз Петюня невольно восхитился братом. Как всегда по высшему разряду, лучше и придумать было нельзя...

Теплый вечер, старинный дворец на заднике сцены - розовые стены и белые колонны и львы у роскошного въезда... И ангел с крестом в поднятых руках то ли взлетает, то ли миг назад опустился на купол семейной церквушки графа Воронцова... А вот, въезжали когда-то сюда кареты и выходили из них милые барышни в кисейных платьях, обмахиваясь пышными веерами... И мужчины, молодые как Петюня, но уже решающие важные государственные вопросы, бряцали шпагами о бедра, обтянутые лосинами...

-Петюньчик, как делишечки?

Голос звучал снова вроде бы издалека. Но в середине головы – в самом центре, снова сильно завибрировала невидимая мембрана. Будто включилась сигнализация у машины.

-А я смотрю – один-одинешенек. Все тебя бросили, да, пупсик?

Верочка, офис-менеджер, подошла сзади, неслышно. Прильнув шелковым животом к спинке Петюниного стула, она взъерошила ему пепельные кудри и капризным голоском пожаловалась:

-Совсем блондином ты летом становишься... Мне такого оттенка ни в каком салоне не добиться.

Такого он вынести не мог.

Была бы это Даша – директор по рекламе, он бы с ней поприпирался немного. И повеселился бы, увидев злой блеск в светло-карих цыганских глазах. Не могла Даша удерживать свою агрессию долго под контролем. «Тестостерона много!» - так Пашка говорил, - «Как у всех карьеристок». Нормальная женщина, по мнению Павла, не может быть в бизнесе успешной. «Если женщина успешна – у нее гормональные нарушения.» Была бы это беззаботная, позитивная Маринка - аналитик, в тридцать семь лет чудом сохранившая детскую радость простым вещам, таким как французский сыр и испанское вино, он бы с ней, конечно, похотел. Но Верочка... нет, этого он вынести не мог. Ее слишком остро заточенный маникюр царапал ему кожу головы. И такой у нее сладкий парфюм, как всегда! Будто на карамельной фабрике вся патока выкипела из котлов, и теперь на жаре растеклась по горячей Верочкиной коже. Он буквально почувствовал, что прилипает, когда она обняла его голой рукой за шею, попытавшись усесться к Петюне на колени.

-Я... щас...

Это было довольно грубо для Петюни – то, как он соскочил. В буквальном и в переносном смысле – сорвался с крючка у Верочки и со стула, чуть не уронив при этом хрупкое создание. И правильно сделал. Встав, он понял, что правильно. Стоящий на ногах Петюня был гораздо пьянее, чем ему самому казалось, пока он сидел. В глазах банально потемнело, не менее пошло зашумело в ушах и, что самое тривиальное, мартини поднялось из желудка чересчур уж резво. Так, что сам Петюня еще резвее бросился в кусты, за гипсовую скульптуру голой женщины с отколотым носом и со змеей вокруг ноги.

«Почему со змеей? Богиня медицины, что ли, какая?» – зачем-то озаботился Петюня, вытаскивая, словно из корзины для бумаг, из памяти мятые обрывки греческой мифологии, - «Так это вроде был мужик... Эску... Эспу... а, чччерт...»

Глава 6. ФРОСЯ

-Здравствуйте, тетя Нина...

-Алло? Да, Фрося! Ну, и где ты?! Еще на вокзале... Да зачем встречать? Там такси есть и носильщики, бери тачку. Адрес ведь знаешь? Вот и скажи адрес. Самостоятельной учись быть, ты же в Москве, взрослая девочка то...

Нина, разглядывая в зеркале свой новый пеньюар, задумчиво положила мобильный на тумбочку в коридоре. Ярко-алые маки на молочном фоне, на этикетке надпись – 100 % шелк, и цена соответствующая. Врут, конечно, про шелк. Полиэстер хорошего качества по цене шелка. Сейчас разве есть что-нибудь натуральное?

-Ни-че-го! – твердо ответила она сама себе.

Вздохнув, Нина перекинула на одно плечо ухоженный каскад темных, отливающих коньяком, волос, гордо расправила плечики, иронически изогнула шелковистую бровь и так вошла в комнату к Диме.

- Мог бы и не пить вчера *так*. Знал же, что сегодня человека встречать.

-Ну, вот ты бы и не пила. Твоя ведь, кажется, племянница...

-Ну да, да, знаем, - Нина, с досадой сморщившись, перебила, - Тебе надо - ты и делай, слышали уже... Да я все сама могу, если хочешь знать! Даже сама себя трахнуть могу при желании. Только непонятно – зачем тогда ты?

Нину Владимировну Князеву труднее, чем любую другую женщину можно было назвать тетей. Особенно в том значении, которое это слово приобрело в щедром на иронию русском языке. Когда тетя – в смысле тетка. Или даже тетька. Впрочем, в родственном смысле Нина Владимировна на тетю тоже никак не тянула. То есть на женщину, у которой есть как минимум племянники, не говоря уже о прочих других родственниках. Потому как племянники предполагают наличие братьев или сестер, а также их мужей и жен вместе с их родителями и детьми, и так далее и тому подобное, короче, какой ни какой, но – семьи. Нина Князева казалась существом, отдельным от таких понятий.

В свои тридцать пять она выглядела на двадцать восемь – в будние дни, на двадцать пять – в выходные и на девятнадцать с половиной после отпуска. Возможно, поздно ночью, перед сном, наедине с собой – например, в ванной перед зеркалом, Нина Владимировна и выглядела на свой возраст. Но, поскольку этого никто никогда не видел, то, следовательно, этого и не существовало, ведь, как известно, существует лишь та действительность, которую отражает чья-то психика. Поскольку в отпуск Нина Владимировна ездила минимум три раза в год, входные проводила с пользой и удовольствием, и никого не пускала в ванную, готовясь ко сну, то никто не мог дать ей больше двадцати восьми даже в самый плохой день.

Лет вот уже двенадцать, как Нина Князева жила в Москве. Приехав из Североуральска примерно в том же возрасте, что и Фрося, она удачно устроилась на работу, удачно вышла замуж, а недавно удачно переехала в хорошую новостройку площадью сто пятнадцать квадратных метров вместе с мужем, Гончаровым Дмитрием Борисовичем, доцентом кафедры теории литературы Московского Литинститута.

-Дим.

-Мм.

-Ди-им.

-Мм-м.

-Дима!

-Ну что?

Нина Владимировна отбросила пульт, встала с дивана и раздраженно приблизилась к мужу. Муж не оторвал взгляда от монитора компьютера, где бегали по зеленому полю, стре-

ляли, падали и снова вставали и начинали стрелять маленькие уродливые человечки. Он не повернул головы, не оторвал пальцев от клавиатуры. Но среагировал все же по-своему на приближение Нины Владимировны - немного поднялись плечи, немного придвинулась к креслу вытянутая нога.

-К нам, между прочим, скоро молодая девушка в дом придет.

-Да-да, я знаю, Нинок, ты говорила.

Нина Владимировна сделала медленный глубокий вдох. Также медленно выдохнула, прикрыв глаза, чтобы не видеть живучих уродливых человечков.

-И что?

-Что – и что? – не понял Дмитрий Борисович, - Пусть приходит, я не против. Мы ведь уже все обсудили, да, Ниночек?

-Все. Кроме твоих штанов.

Дмитрий Борисович промолчал. Во-первых, опыт подсказывал ему, что иногда это прокатывает. А во-вторых на мониторе возникла крайне напряженная ситуация в разборках уродливых человечков, требующая максимального внимания и напряжения кисти на «мышке».

-Может, ты все-таки их снимешь? – с расстановкой предложила Нина.

-Мо-ожет бы-ыть...

Дмитрий Борисович впервые оторвал взгляд от экрана и даже протянул левую, свободную от «мышки» руку, чтобы погладить Нину Владимировну по коленке. Коленка раздраженно дернулась под его ладонью, ее хозяйка отскочила на шаг назад.

-Дим, в конце концов!

-Ну, чего? Чего ты опять?

Он выключил монитор, откинулся в кресле, закинув руки за голову, устало потянулся. Доиграть все равно не получится.

-Надень приличное что-нибудь, наконец. Не ради меня, так хоть ради постороннего человека, может, будешь дома выглядеть попривлекательнее...

-Попривлекательнее? А ты меня не станешь ревновать? А? К молодой то девушке, если я буду выглядеть попривлекательнее?

С этими словами Дмитрий Борисович поднялся с кресла и, подойдя к жене, обнял ее за ухоженную шейку. Нина Владимировна нагнула голову, уткнулась гладким лбом в мужнино плечо, пахнущее одеколоном и хлебом. И лишь тогда, уверенная, что он не видит ее лица, позволила себе презрительно и устало закатить глаза.

-Стану. Стану. Конечно, стану... Но – все-таки?

-Так и быть, зайчик. Пойду, переоденусь, - примирительно сказал Дмитрий Борисович, и крикнул уже из спальни, - Кстати, в котором часу она прибывает? Золушка то наша?

Не прошло и часа после этого разговора, когда позвонили в дверь. Нина Владимировна, поправив у зеркала челку, пошла открывать. Над дверью тревожно и любознательно звякнули китайские колокольчики.

-Здравствуйте... тетя Нина.

На пороге квартиры, в дымчатом сумраке просторного, общего с соседями холла, устало улыбалась высокая, странно одетая девушка.

-Ну, привет, привет. Проходи, не смущайся, будешь смущаться – делать тебе тут нечего. Да ставь сюда свои сумки... Что – и это все?! Прелесть какая!

Было не совсем понятно, к чему относится последнее восклицание хозяйки квартиры – к количеству вещей, которые гостя с облегчением уронила подле себя или же к бисерной вышивке, что украшала на высокой груди странный балахон Фроси.

Впрочем, это было не важно. Главное – в первые секунды встречи между двумя женщинами не возникло стойкого инстинктивного отвращения. А этого Нина Владимировна все же немного побаивалась, думая о своем согласии приютить племянницу. Кто ее знает, что там за

Фрося? Оказалось – ничего страшного, нормальная девица. Прибабахнутая слегка, ну, так это ничего, это с дороги. К тому же Нина еще не забыла, да и не забывается такое – что представляла собою она сама, впервые очутившись в столице.

-Иди-ка сюда, сразу комнату покажу, - распорядилась она, ободряюще подталкивая племянницу ладонью в спину.

-Тетя Нина, тут вот подарки... от мамы...

-Гы-гы... – послышалось откуда-то.

Фрося, вдруг вывернувшись из под душистой, благоухающей чем-то аппетитным – не то кокосом, не то ирисками, ладони, кинулась обратно к сумкам. В минуту, спеша и нервничая, распотрошила обе и вложила оторопевшей Нине Владимировне в руки три тяжелых, завернутых в газеты свертка.

-Тут орехи кедровые, свежие... и варенье. Из крыжовника, мама варила.

Нина молча разглядывала помятые страницы бесплатной рекламной прессы.

-Подарки, - еще раз объяснила Фрося, - От мамы.

-А кому подарки? А какие?

Открылась дверь спальни и в лучах закатного солнца, пролившихся на пол прихожей, возник Дмитрий Борисович в черных полотняных брюках и чистой футболке.

-Добрый день, - официально поздоровался Дмитрий Борисович, - Добрый день, - повторил он, хотя был уже явный вечер.

Он обстоятельно и с чувством пожал Фросе потную руку и застенчиво объявил:

- Здравствуйте. А я Дима.

-Здравствуйте. А я Фрося, - сказала Фрося.

-Так... какие подарки?

-На, дите, рассматривай, - сказала Нина Владимировна, взваливая свертки на Диму.

Пока Дима шуршал на кухне газетами, Нина Владимировна, внимательно разглядывая Фросю, подошла к ней почти вплотную. Невольно запрокинув голову, потому как доходила Фросе лишь до плеча, она попросила:

-Деточка. Гм... Зови меня Нина. Просто Нина. Если не возражаешь.

-Нет, что вы тетя... то есть... Нина...

- Да, мы эту комнату под детскую планировали, но пока... Она еще не обжитая, недавно только переехали... В общем, живи сколько нужно.

Из кухни послышался неожиданный смех. А потом из нее вышел Дима, что-то держа на ладони и все еще смеясь.

-Нин, подарочек – что надо! В самый раз! Для тебя!

Нина, мельком с любопытством взглянула в его раскрытую ладонь. Также мельком, но уже со злостью – на него. И молча скрылась за дверью ванной. Дима продолжал веселиться, поигрывая орешками в руке.

-Что... что такое? – растерялась Фрося, - Плохие орехи?

-Орехи хорошие... деточка. Просто у тети Нины зубы слишком дорогие. Ей доктор даже жвачку запретил, не то что...

-Можно подумать, у тебя дешевые! – выкрикнула из ванной Нина, - Чья бы корова... И вообще, все, отбой, мне некогда, и так опаздываю опять.

В ванной зашумела вода. Дима, вздохнув, задумчиво высыпал орехи обратно в мешок и замер, спрятав руки в карманы брюк.

-А... вы что, вы... уходите? – пролепетала Фрося, - А как же...

Матовая керамическая плитка цвета слоновой кости на полу просторной кухни наливалась розовым, как Фросины щеки. Неоново-алый закат дрожал над крышами нового микрорайона. Было около девяти часов вечера.

-Я – нет, - ответил Дима, - Это у нас тетя Нина на дискотеку двигает.

-Ку... куда? - не поверила Фрося.

-Тетя Нина! Объясните девушке, куда вы двигаете! А, тетя Нина! Ведь на дискотеку, я вас правильно понял?

Дверь ванной распахнулась, из нее выглянула Нина. Голая по пояс, с маленькой мокрой грудью и полотенцем на голове.

-Нет, блин. Буду с тобой весь субботний вечер в стрелялки играть. Мне ведь заняться то больше нечем!

И дверь снова закрылась. Дима, словно извиняясь, пожал худыми сутулыми плечами. Совершенно обескураженная, Фрося стала поднимать с пола раскуроченные сумки.

-Помочь? – спросил Дима.

-Нет-нет, спасибо. Я сама.

-Я так и думал. Ну, ладно, ты располагайся, а я пока...

Дима хитро подмигнул, но Фросе на миг почудилось, что лицо его дернул жестокий нервный тик.

- Пойду-ка... в стрелялки поиграю.

Комната была небольшая – относительно всей остальной новой тетиной квартиры. Но огромная по Фросиным, явно устаревшим понятиям. Вероятно поэтому она совсем не показалась ей уютной.

Темно-розовые стены, шикарный бордовый диван, угловой компьютерный столик, зеркальный шкаф-купе. Скорее, это было похоже на интерьер для очередного сериала про офис, которые смотрела дома мама. А впрочем, комната действительно была, что называется, необитаемой, так что со временем, когда здесь появится ребенок...

Зато Фросе понравился каскад новеньких разноцветных крыш за окном с модными шторами из органзы. Все дома были с мансардами – как на открытках про Париж. А окна в домах быстро становились фиолетовыми. Фрося устало вздохнула. Почти без сил от дороги и вокзальных волнений – они с мамой как-то не предполагали, что ее никто не встретит, а еще больше от этого приема, довольно необычного, она медленно опустилась на бордовый диван... и тут же вскочила.

-Вот тебе белье, полотенца, халат... Да не красней ты, расслабься, все нормально, мы же родственники!

Вошедшая в комнату Нина была ослепительна. Фрося и покраснела частично из-за этого. Тетя была просто девочка – почти без макияжа и свежая, миниатюрная, изящная. В черных обтягивающих джинсах и черной, с серебряным принтом на груди узкой футболке. Даже на высоких шпильках Нина смотрелась Дюймовочкой. Фрося невольно ссутулилась, окинув мысленным взором свой рост и показавшуюся теперь совсем уж нелепой самодельную этническую тунику.

-Там в холодильнике – креветочный салат, мы тебя раньше ждали, да не дождались. Но тебе оставили. И вообще, что найдешь – все твое. Правда, много не найдешь, ну, неважно, с голоду не помрете.

-Те.. то есть, Нина, а вы скоро?

-Вряд ли, - ...

-А как же...

Фрося скосила глаза растерянно на проем дверной где Дима азартно кликал по клавишам компьютера...

-О, да ты его не бойся. Он – домашний. В смысле – ручной. Не укусит.

-Спасибо... А что мне де...

-Все! Пока!

– весело крикнула Нина в сторону гостиной и на секунду замерла, ожидая ответа. Дима не оторвал взгляд от экрана, не повернул головы, не поменял позы, только левая свободная от мышки рука потянулась ко рту и Дима принялся жадно грызть заусенец.

-Угу, - кивнул он одному из уродцев на мониторе.

-Приду рано. Вы будете еще спать, - уже совсем другим голосом сказала Нина.

Входная дверь открылась и захлопнулась. Колокольчики над ней тревожно зазвенели.

Через несколько часов Фрося, вымытая в полукруглой изумрудно-зеленой ванне, в одиночестве и тишине наевшаяся креветочного салата в просторной хромированно-галогеновой кухне, лежала на диване в необжитой комфортабельной детской. Окна были закрыты, в углу над ними грустно шумел кондиционер. Не слышно было ни гитар, ни алкашей, ни соловьев... Вообще ничего не было слышно. Квартира была пуста.

Дима, примерно через час после Нининого ухода, встал от компьютера, кому-то позвонил, и ушел, ничего не сказав Фросе. Наверное, он просто забыл о ее присутствии.

Глава 7. Февроша. Юность.

«...Солнце печет... нет, уж скорее – допекает, как строгая мать. Гонит пчел работать, а людей, растомленных тяжелой ленью, прятаться в тень. Под горячим настойчивым взглядом послушные словно почтительные дети травы поторапливаются набирать зеленый сок, а ягоды – красный. Отчего все так? Вот если бы трава была алой как земляника! Малиновой, рдяной... а плоды и ягоды – густо-зелеными... Б-р-ррр... Нет. Раз Бог так сотворил, значит, так и надо.

-Февроша! Опять мечтаешь?

-На небе женихов нет, их в других местах сыскивают...

Она вздохнула, нехотя отрывая взгляд от облака. Задумчиво слизала багряный сок с липких пальцев.

-Да она, Матреша, в другие то места и не глядит. Что там интересного? То ли дело – на небесах!

Девичий смех рассыпался за кустами, раскатился недозревшими брусничными бусинами по нагретому лесу и затих. Звенит тишина злым комаром, тяжело дышится и сладко от пахучих лесных трав. А мох под ногами прохладный, зеленый – как вода в заводи. Сколько минут, а может часов грезит уже она, слыша лишь издали переливчатые разговоры подруг? Нижняя рубаша вымокла от горячего пота и глубокая деревянная миска полна ягод. Она всегда так – вроде ничего и не делала. Просто думала о разном. Почему так темны листья у пушистого папоротника? И отчего так переменчивы вроде совсем неподвижные облака в голубой выси? И зачем Он так все устроил... Просто грезила, оглядывая все вокруг медленным одиноким взором, а глядь – до краев плошка собрана...

-А я вот на матушке-земле себе отыскала. Мне хватит...

-И я сыщу, и я!

Слабый треск веток, что-то чуждое, слишком яркое, пестрое мелькнуло сквозь листву, нарушило вечную, непобедимую зелень. На влажную от духоты и лиственных соков лужайку из-за диких малиновых кустов вышла Матреша. Короткая, чуть ниже колена понева из зелено-синей клетчатой пестряди, нижняя рубаша до пят с синевой каймой и черная коса до пояса – ночь румяная! Да разве бывает румяной ночь? Нет, не бывает. Если только... Ах!

-Вот я какая – красна девица! Кто теперь меня не возьмет?! Ах-ха-ха-ха...

Снова заливистый смех пугает дятла. А она едва переводит дух. Горло перехлестнуло, когда почудилось на миг, что всегда ровное, не белое, но матовое как темный лен лицо Матрешино – кровавая каша!

-Ах-ха-ха-ха! Ха-ха-хаа...

Как лишь в послеполуденном зное может смеяться шестнадцатилетняя девушка, хохочет Матреша. И, горстью забирая из глубокой миски, мажет по щекам малиновый сок, ловит ртом ягодным сладкие капли.

-Ну?! Все женихи теперь мои! Все, все, все...

-Так и все? А нам то с Феврошей и не оставишь?

-А ей не надо – у нее жених на небе. Или сам за ней приедет в золоченых санях с бубенцами... Нет, ей не надо. Видишь? И не смотрит на нас.

-А мне надо! А мне надо!

-И мне, и мне...

Легкой пушистой белкой прыгает по роще эхо, качая ветки. И вздрагивают неподвижные листья от девичьего зова...

-Купаться!

-Ох, купаться, купаться! Ох, скорее...

-Ай!!

Что такое? Дикая ежевика дрожит колючими руками, с шорохом роняет блестящие черные слезы. А рядом перекинулась Марьюшка - мычит, трясет свободной рукой, ножку подогнула от боли. Светло-рыжие как молодой весенний мед брови нахмурены, губа закушена.

-Что такое?

-Да вот...

-Эх ты как! Ну, так что ж за невидаль? Вынимай, не то хуже вопьется.

-Нет, не получается... Февроша!

Обступили рыжую Марью девушки, забрали у нее тяжелую плошку с лесным урожаем, дуют на руку, смотрят, приговаривают.

-Дай погляжу...

-Ай! Не надо! Не тронь.

-А кто тебя, дуреху, в ежевику то тянул? Малины тебе не что мало?

-Февроша! Глянь-ка ты.

Поставила миску осторожно на мох, подошла. Взяла в руки влажную, в багряных и сиреневых от ягод разводах Марьину ладонь, подула, посмотрела. В безымянный палец – в самый кончик, где мягкая как у ребенка кожа, впилась заноза, шип ежевичный. Да не вскользь вошел, как обычно занозы входят, а воткнулся сверху вниз, прямо как стрела в грудь воину. Воткнулся, да и обломился, не оставив за что зацепить. Просто черная точка... а вокруг напухает, вздувается, пульсирует кровь...

-Так то больно?

-М-ммм... У-у.

Отрицательно замотала головой Марьюшка. Только крепче губку закусила, но молчит. Знает уже. И все молчат. Затаились. Февроша гладит легонько больное место, приговаривая тихо, не важно о чем - просто лепечет, чтобы их отвлечь, а себя настроить. Увидела. Подняла глаза к тому облаку, что недавно заметила - круглому, плотному, словно беленая скомканная рубашка брошена в синь воды. Пусть туда боль уйдет. Сейчас Марьюшке станет больно, зато потом...

-Ай!!!

Вот он – все так, как и видела. Лежит гадкая заноза на Феврошиной ладони тонким как волос, загнутым на конце гарпуном – шипом.

-Ты не трогай. Сейчас пройдет. Теперь купаться!

-А уже и прошло! Спасибо, подружка моя. Знатная у нас Февроша лекарка - как по колдовству прошло!

-Да. Уж не без этого.

На миг остановилась Марьюшка, застыла. Подивилась тишиной недавно звонкого голоса подруги, вынула излеченный пальчик изо рта.

-Что ты, Матреша?

-Ничего.

Вышли к озеру. Гладкая вода, неподвижная. И чистая необычно, даже без нежной тонкой ряски, без мутного ила и склизких водорослей. Светлый мелкий песок на дне, каждую песчинку видно, а на нем сквозь зелень воды старается, прядет кружева солнце. Собрались в кучу, и теснят друг друга упавшие с деревьев семена, да листья, да мелкие соринки. Но это в стороне, у правого берега, куда прибил их вчерашний ветер.

Скорее, бегом туда! Хочется взвизгнуть, подобрать нижнюю рубаху повыше, чтобы не мешала бегу и лететь, раскинув руки, будто в объятия любимому. Да нельзя. Да с ягодами то - как раскинешь? Как побежишь?

Рубахи на девушках из белого полотна, длинные, до ступней. По горловине, разрезу и низкам вышивка, у кого - полоса отделочной ткани. Поверх рубахи - поневы из пестряди, а при шаге расходятся в стороны клетчатые полы...

-Эгей, красавицы!

-Ку-уда это?! Куда? А ну...

-Уж не купаться ли?

От воды по дальней тропинке поднимаются парни. Мокрые волосы на лбах, рубахи прилипли к телу – так дольше жар не заберет, дольше прохлады продержится в коже.

-А что? Только тебе можно? А я вот тоже хочу!

Бойкая Аленка руку в бок и давай пререкайся. Да Матреша бойчее, но – молчит. Отвернулась даже, будто не видит что там и жених ее, старший брат Феврошин Матвей-бортник.

-Вот тебе раз – хочу! Ха-хаха!

-Тебе то что?

-Как – что? А ягоды то? Ягоды как же?

-А что ягоды? Ты за мои ягоды не беспокойся, сама управлюсь.

-А как я их заберу - пока ты купаться будешь?!

-Попробуй!

-Попробовать, Федь? А?

Молча помотал головой невысокий, широкоплечий, чуть сутулый парень. Только рукой махнул, и веселье как ветром сдуло. Кириллка побежал было к Марьюшке – попугать, а ей и дунуть хватило бы! Метнулась в сторону от него, чуть не упала.

-О-хохохо!!

-А ну домой, к мамке, кисель варить! Фью-ить!

Свистнул, захохотал и махнул за друзьями. Они идут живо, шаги большие, опасные, уже сейчас не видно станет за горкой парней. Только один - тот, что молчал, встал вдруг, обернулся, глядя вниз, не то на воду, не то еще куда. Но девушки уже этого не видят – вода! Наконец.

-И все женихи твои, говоришь? Так уж - и все?!

Аленка уже сбросила сарафан. Она всегда первая входит в воду, никакой не боится - она на крещение в речке святой купалась. И чувствует себя хозяйкой сейчас, когда у озера.

-А вот и нет, а вот и нет! Федька то не твой, не твой...

Матреша на нее не глядит. Еще там, на тропинке она не знала, как спрятать глаза, куда деть лицо, вымазанное липким соком. Он теперь высох - только знай от пчел и мух отбивайся, а тут как назло парни! И он. Такой... вроде, ни до чего ему. Однако это уж знакомо. На самом деле все видит, все примечает. Только виду не показывает. И от этого под рдяной маской щеки краснеют у Матрешы не хуже малины.

-Был бы мой, если бы...

-Что?

-Ничего.

И снова голос этот напугал бы непривычной тихостью ласковую Марьюшку. Да та не заметила - по пояс в воде, кончик косы уж мокрый. Аленка кричит лихо, с самой глубокой глубины:

-Если бы, да кабы!

-А ты что все молчишь?! Святой прикидываешься! Тебе уже восемнадцатый год, а ты...

Девушка замахнулась снятым платьем прогнать липучую муху, да с досады так сильно себе по ноге хлопнула, что слезы выступили в глазах.

-Ни себе не берешь, ни людям не даешь! – не удержавшись, вскрикнула.

-Что ты, что ты Матреша? Не надо. И какая тебе разница, если все и так – твои...

Одна у нее подружка Марьюшка – добрая душа, защищает. Да все зря. Матреша ее и не слышит.

-Видно и впрямь ты - колдунья!

И бросилась с разбегу плыть, шумно, неразборчиво, словно сердясь на воду...».

Глава 8. ПЕТЮНЯ

Когда Петюня пришел в себя, темно-фиолетовая московская ночь уже висела над парком. Кудрявые силуэты старых тополей наивной детской аппликацией из бархатной бумаги приклеились к гляncy неба... Ба-бах!!

Салют рассыпался над Петюней и змейками стал падать в черную воду пруда, выкопанного графскими крепостными... Ба-бах!! - еще залп... и еще... Петюня залюбовался. Это вам не тот дежурный салют, под который десять минут кричат «Ура!» на День Победы. И даже не тот, что устраивают подростки и пьяные пролетарии в своих спальных районах на Новый год. Это – чудо, старинное волшебство фейерверка! И гипсовые статуи в глубине парка белеют под разноцветными вспышками живой человеческой кожей. И видится Петюне, будто он отважный гардемарин - шпага на боку, в душе крепкая мужская дружба, а в голове важная государственная тайна...

-Пусти... Ай, пусти!

-Что ты, что ты... тихо...

-Ну, я говорю!

-...

Вдруг слышались, вплетаясь в мечту, глухие вскрики, тяжелое дыхание, враждебный шум борьбы. Что-то не то, неправильное происходило на другой стороне круглой затемненной поляны, от центра которой как лучи расходятся в пять сторон огражденные кустами гравийные дорожки.

-Да пусти же, все... не могу больше... Ох!

-Стой еще... молчи...

Петюне показалось, что он разом протрезвел. Как вскоре понял – именно показалось. А пока что он, даже не заметив как, словно перелетев по воздуху, очутился на десять шагов впереди, у железной парковой скамейки.

Невысокий, особенно по сравнению с Петюней, мужчина в смокинге стоял к нему спиной, склонившись над кем-то мерцающим и белым, кто лежал на ней.

-Это. Пусти ее.

-Сейчас...

Мужчина небрежно отмахнулся. Тогда Петюня рванул маленького за плечо. И мгновенно рассвирепел, опять увидев перед собой азиатские, какие-то змеиные глаза венгра Стефана. Он не любил его, почему-то, всегда. Но сейчас он не любил его особенно. На скамейке растрепанная, растерзанная, не успев поправить задравшееся платье, застыла Света. Пашкина жена Света. Та самая - «пята».

-Иди-иди, мальчик, мы скоро... Иди, выпей!

Содержание информации и сам тон, которым эта информация подавалась, говорили о том, насколько сам венгр далек от состояния трезвости. Иначе, он бы конечно так не сказал. У него была хорошая карьера, отличные заработки и много-много красивых женщин вокруг. И он, конечно же, хотел жить.

-Ты чего? – искренне удивился Петюня.

-Ну, что ты лезешь, ребенок? Не твоя ведь жена! А вот женишься, имей в виду - жену надо трахать...

-Ты чего?!! – Петюня все еще не верил в происходящее.

-А то! Да ты не переживай так, твоему Пашеньке то все равно. Он трахается с депутатом сейчас, потом его трахнут рекламодатели, все они кончат, как смогут, и будут у нас и тиражи и премии...

-Ты чего??! – взревел Петюня, забывший вдруг все остальные слова.

-Ну-ну, - маленький венгр успокаивающе похлопал его по плечу.

И это было зря. Петюня неумовимо и непоправимо озверел. Ухватив маленького за скользкие лацканы смокинга, он стал трясти его, ревя, как пятилетка в детском саду, у которого сломали любимую игрушку.

-Ты чего??!!!

Что означает этот вопрос, Петя не мог сформулировать от ярости, возмущения и обиды. Наверное, он хотел спросить что-нибудь типа: «Как ты, паршивая тварь, можешь предавать твоего друга и покровителя?!» или «Как ты, мелкий гаденыш, смеешь так со мною разговаривать?!» или, скорее: «Зачем, за что ты делаешь ему так больно??!». Но мог только реветь. И продолжать трясти неудобное, неподатливое тело.

-Ты чего?! Ты чего??!! Ты чего??!!!

-Да пошел ты, пьянь малолетняя!

-А-а-а-а-а-а!!!! - завизжала Света, когда они уже катались по земле.

Петюне было очень больно, но он все тряс и тряс проклятого предателя, не видя, не чувствуя, как его голова бьется о траву, о гравий дорожки и об угол железной лавочки.

Когда Света замолчала, венгр со змеиными глазками уже не шевелился. А салют над Петюней рассыпался ярко-алыми искрами. Они упали ему прямо на лицо, и Петюня удивился – он предполагал раньше, что гильзы горячие, но никогда не думал, что они мокрые и липкие. Наверное, фейерверк нового поколения - решил Петюня перед тем, как закрыть глаза.

Глава 9. ФРОСЯ

-Князева! Ох ты, мама моя дорогая!

Акцент у приезжих, несколько лет проживших в Москве, исчезает почти совсем. По крайней мере, до тех пор, пока они не встретятся с земляком. И, если бы они не встречались время от времени с земляками, вероятно, мог бы, ненавидимый ими же самими, сгинуть навсегда. Загвоздка в том, что они встречаются. Редко, но встречаются.

-Вот уж кого не ожидала!

Фрося так обрадовалась, услышав вульгарно хриловатый голос с почти совсем незаметным уральским выговором, что даже сердце екнуло неожиданно. Екнуло и забилось сильно - как в детстве. Когда новогодней ночью раздавался в дверь звонок и Фросенька нарядная, поздно не ложающаяся спать - как взрослые, гадая в душе, кто это, кто? Гости? или Дед Мороз? бежала встречать. Так обрадовалась, что даже не обратила внимания на то, каким странно близким – нет, не знакомым, а именно почти родным показался ей этот голос.

...В большой, чистой, хорошо обставленной квартире Фросе жилось неудобно, одиноко и даже страшно. Всегда тишина. Почти всегда - никого. Нина и Дима – так тетя и дядя просили себя называть, вели довольно странный для семейных людей образ жизни. Вот, например, в воскресенье – день ее приезда, вместо совместного ужина Нина ушла из дома на ночь глядя, оставив Фросю в полной растерянности и тоске. Вернулась она, между прочим, далеко-далеко за полночь, между тремя и четырьмя! Фрося сквозь сон слышала звон ключей и шорох в коридоре. Дима, также ушедший в ночь, неизвестно приходил ли вообще. По крайней мере утром его дома не было. Только Нина сказала, вполне бодрячком заглянув к ней часов в девять:

-Ты здесь отдыхай пока, осваивайся. Вечером я сегодня поздно, а вот завтра, если все нормально, подумаем что с тобой делать. Обмозгуем твою будущую жизнь.

Была середина четверга – пятого Фросино дня в Москве. И она уже четко осознала всю бессмысленность их с мамой затеи. Как можно научиться жизни, сидя в одиночестве в чужой квартире, боясь высунуть нос на улицу?! Да и зачем высовывать? Куда? Ясно уже - это не для нее. Это надо быть специальным человеком. Таким, как тетя Нина или... Воробыха!

Как она могла забыть?! Мама же специально ходила к Воробыхиным родителям, чтобы узнать Инескин московский телефон – на всякий случай. И вообще. Одна – хорошо, а вдвоем, может - и лучше?

Они никогда не были особенно близки с Инеской Воробьевой. Ни в детском саду, когда были у кого прыгалки, а у кого пупсики. Ни в школе, когда начались у кого мальчики, а у кого подготовка к экзаменам. Слишком разные люди, слишком разные интересы, да и темпераменты прямо противоположные... Но вот теперь, набрав записанный мамой аккуратно в блокноте Инескин номер, Фрося удивилась и обрадовалась ей как родной. Все познается в сравнении - дома Инеска была просто приложением ко всему остальному – к ...к..к.. а здесь...

-Воробь... Инесса! Как ты?!

-Ха-ха-ха! Я – как? Да нормально я. Как все.

Воробыха засмеялась громко и заливисто, как всегда, так, что и по телефону было ясно - у нее от смеха выступили слезы на глазах. Фрося не поняла, что такого смешного она спросила. Но, не важно, может, Воробыха просто тоже обрадовалась, услышав землячку?

-Князева, да неужто *ты* – и в Москве?

-Да...

-Ну, молодец, е мое! Все претесь и претесь, и куда вас девать?! Москва то, чай, не резиновая!

-Ч... что?

-Что, испугалась?! Ха-ха! Не бойся – шутка. Молодец, что позвонила, в общем, ну-ка быстро ко мне... Хотя, нет, лучше не ко мне, давай на 1905-го в пабе!

-Давай, - с готовностью согласилась Фрося, - А где это?

Сердце екнуло снова, но уже по другому поводу. Деньги у нее, конечно, были. Но, судя по такси, что она взяла от вокзала – ненадолго. К тому же она слишком хорошо знала, как они достались, и совсем не знала, что значит «обмозгуем твою будущую жизнь». Сулит ли это скорое материальное спокойствие? И сулит ли это вообще что-нибудь?

-А ты где живешь?

-На Преображенке снимаю, две остановки от метро, – гордо сообщила Инесска.

-Тогда, может, я к тебе?

-Да ты что, обалдела, девушка?! Ты в Москву приехала зачем? По домам сидеть? Здесь на людях быть надо, иначе смысла нет. А дома я и без тебя как-нибудь посижу. Так что давай, не опаздывай. Дорогу то найдешь?

-Да.

Погода за окном стояла теплая, сухая. Фрося не собиралась долго думать о том, что надеть – выбор был небольшой. Изначально он был небольшой, а на проверку оказался еще меньше.

Постиранная туника с вышивкой пропала. Фрося повесила ее вчера, ведь точно помнит - на блестящий сушитель в ванной. Вообще, все здесь такое блестящее, яркое, чистое, словно специально для того, чтобы подчеркнуть еще свежее в памяти убожество их с мамой жизни дома. Не хочется об этом думать, потому что становится слишком понятно - все эти Золушкины страсти, все эти нервы, принесенные в жертву ради Москвы и богатой жизни, все это не для нее. Вряд ли Фросины амбиции хватит на все это. А раз так, то лучше и не знать ничего. Не знать и не видеть, как оно бывает, причем – не в кино, а в реальности. Лучше - не знать. Но сердце бьется непривычными скачками, когда она смотрит на себя в тонированное, с мягкой подсветкой, зеркало.

Обычное овальное лицо. Обычные брови. Волосы у корней почти совсем темные, светлеют ближе к концам, и у самой талии вьется из косы совсем уже золотое колечко. Матовая кожа, мама говорит – это красиво. Может быть... Обычный нос – не вздернутый кокетливо, и без всяких там благородных горбинок. Бледно-розовые губы и маленькое коричневатое родимое пятнышко на левом виске. Взволнованные – что немудрено, но в общем совершенно обычные зелено-серые глаза.

В журналах много пишут о том, как грамотно скрывать недостатки и как подчеркивать достоинства... Только вот не пишут что делать, если нечего скрывать и нечего подчеркивать. Она давно, еще в отрочестве, перестала ломать над этим голову. Все равно никакого толку, так что...

Заплела свободно косу, знала уже - это шарм такой, типа «а ля рус». Типа - так и было задумано. Уж Фрося, так Фрося - чего там? Таким как она все равно, пыжась не пыжась, не одеться под продвинутую москвичку. Учеба в технологическом, спасибо хоть на этом, дала некоторое представление о вкусе. А что еще более ценно – о безвкусице. И если уж быть смешной, то смешной своей явной провинциальностью, чем натужной и безуспешной попыткой выглядеть столично.

Джинсы отпали сами собой за неимением туники. Так что будет... сарафан. Настоящий такой русский сарафан из зеленоватого, тяжелого льна, с глубоким квадратным вырезом, широкой, расшитой мелким бисером каймой по подолу. Вырез, кстати, лучше прикрыть газовым платочком, а то... как-то уж слишком вызывающе. Грудью природа не обидела, и темная ложбинка привлекает внимание более, чем нужно. Все те же мягкие мокасины. С собой - сумку, телефон, деньги... что еще? Вроде все. Ах, да! Бумажку с адресом этого паба.

Когда в прихожей она еще раз посмотрела в зеркало, вдруг четко вспомнился давешний сон... – такие краски и цвета, каких нет в настоящей жизни. Такие чувства и ощущения, каких не испытаешь в яви.

Но и наяву все было очень красиво. Очень!

Предосенняя Москва... она не знала, но чувствовала, что это почти Европа. Только - лучше. Улицы и витрины, подъезды банков и каких-то загадочных учреждений заставляли подозревать внутри себя те самые интерьеры, какими восхищается мама в сериалах про богатых, которые плачут и плачут - вот уж без малого двадцать лет. А все никак не наплачутся.

...Паб она нашла поразительно легко и быстро. Прямо от метро увидела фешенебельные витрины с подсветкой и вывеску двухэтажного стеклянного здания с элегантным крыльцом. Воробыха, наверное, специально здесь назначила встречу – чтобы Фрося ненароком не заплутала. Но вот у входа она все-таки немного замешкалась.

Двое высоких охранников в черных рубашках и черных пиджаках посмотрели на нее вроде бы мельком, но по их взглядам было ясно, они знают о ней уже все – откуда приехала, когда и главное, знают зачем. От этого сделалось так неловко, что Фрося, прежде чем войти набрала Инесскин номер.

-Князева! Ну, ты где, е мое?!

-Я здесь... у входа...

-Так давай, во второй зал проходи, увидишь меня за столиком, я уже заказываю...

Инесска действительно уже уютно расположилась за столиком – за самым что ни на есть центральным. Фрося бы предпочла что-нибудь поукромнее, а так, кто входит - непременно первым делом утыкается взглядом именно в них. Да еще Фросю Инесска посадила лицом ко входу, будто нарочно.

Впрочем, одета Воробыха была так, что не заметить ее было бы невозможно, даже если бы она сидела под столом – белая водолазка, алый виниловый жилет с рукавами крылышками и шнуровкой. Что из одежды было у этой женщины-вамп на попе Фрося не заметила, так как Воробыха сидела. Оставалось только надеяться, что не какое-нибудь экстремальное супер-мини. Но нога кокетливо и вызывающе вытянута из-под стола - официантке приходилось либо падать каждый раз, либо обходить ее, была туго обтянута лакированной тонкой кожей летних сапожек на тонкой шпильке.

Инесска немного располнела, слегка обрюзгла. Расширенные поры у носа тщательно замазаны тональным кремом цвета загара. И все же она была эффектной, так что Фрося порадовалась своему выбору одежды. Тягаться с Воробыхой совершенно точно - бессмысленно, уж лучше скромненько...

-Ну, Князева, ты не меняешься! Сколько лет, сколько, блин, зим, а ты все та же – девочка-припевочка, маменькина дочка!

Инесска пропела свое приветствие нарочито акая, якобы по-московски. Очевидно не понимая, что это именно и есть тот самый провинциальный акцент.

-А тебя – не узнать...

Фрося сказала то, что, как она догадывалась, нужно было сказать. И попала в точку.

-Еще бы! Поживи тут с мое, сама себя не узнаешь! Ну, давай, повествуй, что там у вас да как... хотя нет, подожди... Давай сначала закажем, ты что будешь?

-Да я дома поела, - соврала Фрося.

Вообще то тетя Нина избавилась напрочь от уральского гостеприимства, переняв, видимо, московскую манеру приема гостей: «Что найдешь – все твое». Фрося нашла сегодня только яблоки, вчерашние булочки и масло. Впрочем, ей этого вполне хватило, тем более, аппетита как-то не наблюдалось. Наверное - на нервах. Увидев количество людей в пабе, Фрося подумала, что если так здесь живут, то понятно, почему так едят дома - ни тебе шанежек, ни блинов, ни супа.

-Да при чем здесь еда, е мое?! Я сама на диете... Пить что будешь? Или ты за встречу не выпьешь, что ли?

Фрося растерянно уставилась в раскрытое меню. «Шабли» за три тысячи с хвостиком было самое дешевое, что ей удалось обнаружить.

-Я, э-ээ...

-Да куда ты глядишь то?

-А... куда надо?

-Это ж винная карта! Ты шо, с Урала?! Ха-ха-ха, дай сюда, чудо в перьях.

Покровительственные нотки в хрипловатом голосе раздражили бы Фросю раньше, но теперь от них стало даже уютно. И Фрося расслабилась, отдаваясь на волю бывалой Инесске.

-Может, пива? – неуверенно предложила она.

-Ой, нет, я лично пас. Пиво – дома, перед сном, вместо успокоительного. А сейчас нужно для бодрости чего-нибудь...

Воробыха сосредоточенно углубилась в коктейльный лист. Фрося с любопытством оглядывалась по сторонам. Здесь, надо признать, было приятно, даже очень. Деревянные панели, медная фурнитура, бархат стульев и кожа диванов, мягкий свет. И взгляды – нет-нет, да и остановятся на ней, вроде бы рассеянные и вроде бы равнодушные, но цепкие. Какие же цепкие тут у людей взгляды!

-Нет, ты как хочешь, конечно, можешь и пива... А я две смены отпахала, мне нужен допинг... Девушка!

Подошла костлявая официантка, с очень бледной кожей и черным неаккуратным макияжем вокруг глаз. Принимая заказ, она измученно улыбалась и кидала на Фросю странные, вроде как осуждающие взгляды.

-Вот лесба злобная, - вполголоса констатировала Воробыха, когда та отвернулась на минуту.

-Почему? – удивилась Фрося.

-Что – почему? Да по ним видно... И их все больше.

-Почему?!

-Как почему? Мужиков то нет, сама знаешь. А которые есть, тех не хватает, вот и приходится... Эх, бедные мы бабы. Не захочешь, а станешь.

Фрося невольно примерила на себя это неожиданное пророчество. А что, вполне. Она вполне может очутиться на месте этой официантки. Сколько таких как она каждый день приезжают «учиться жизни»! Фрося погрузилась в мысли, а когда девушка снова повернулась к ним, отвела глаза.

-Та-ак, мне...

Несмотря на диету, Инесска заказала карпаччо, жульен и салат «Цезарь» с курицей.

-...да, и двойной виски. Лед отдельно, пожалуйста! Так тебе что?

-Что? А, мне... Мне - то же самое.

-Вот то-то же! Это по-нашему, а то пиво, пиво... Ну, теперь рассказывай.

Инесска оперлась грудью на столик и, вкусно закурив, приготовилась слушать новости и сплетни о родине.

Воробыха укатила в Москву одной из первых Фросиных ровесниц, в первом эшелоне, как у них говорили, еще лет пять назад. И с тех пор приезжала на родину всего однажды – когда нужно было оформить загранпаспорт. Смотреть на внука, родившегося через год после ее отъезда, родители Инессы летали в Москву сами - у нее тогда не было денег на билет, ну, а потом, естественно не стало времени...

Пока Фрося рассказывала, мимо ходили люди, им приносили приборы, меняли пепельницу, а потом Фрося с удивлением обнаружила перед собой сырое мясо, полстакана пахнущего самогоном напитка и лед в отдельном стакане с ложечкой.

-Ну, за встречу!

Они чекнулись. Было горько - Фрося не положила лед в теплый дешевый виски. Она безглаголиво поморщилась, и, не показывая вида, стала ковырять в тарелке сырое мясо.

-...а вообще, в кабаках уже, конечно, не выйдешь замуж, - со знанием дела просвещала ее Воробыха, - Теперь надо на выставки ходить...

-Правда?! В смысле - в музеи?

Фрося удивилась. Говорили, теперь везде безкультурие и пошлость, а тут вон как, оказывается...

-Какие музеи? – в свою очередь удивилась Воробыха, - Нет, не музеи! Вот тут недалеко выставочный центр на Красной Пресне, а вот у меня два флаера на вход бесплатно - клиент оставил. Там сейчас дизайн какой-то, а на следующей неделе будет недвижимость, вот бы туда!

-Зачем?

-Затем! Там такие женихи ходят – только лови! Сейчас вообще... В прошлом месяце у меня девочка из салона пошла на блошинный рынок, чугунную сковородку покупать – ей, видишь ли, тефлон надоело деревянной лопаточкой скрести... Так она там с Цигалем познакомилась – художник такой, знаешь? Он, правда, не по этому делу, но все равно... даже телефон оставил, представляешь?

-Нет, а как это? Зачем?

-А она ему сказала, что сама художница, хотя сама - парикмахер третьего разряда, ха-ха-ха! А тебе там – вообще самое место. Ты бы там смотрелась. Свою публику бы нашла...

Воробыха придирчиво, но, как ни странно довольно благосклонно оглядела Фросины наряд и прическу.

-Молодец, что косу сохранила. Не стриги, ни в коем случае! Здесь ценится индивидуальность, а все одинаковые, как клоны. То есть как клоуны. Вот я дура, жалею, что свою отрезала, теперь не вырастишь.

Действительно, когда-то у Инки была не очень длинная, но густая, темная коса. Теперь же была модная стрижка необыкновенного цвета и укладка как у Ренаты Литвиновой.

- Н-да, это сейчас актуально у богемы - тридцатые годы, ретро.

-Красиво...- похвалила Фрося, - Такой цвет... необычный.

-Мочалка, – пресекла восхищение Воробыха довольно добродушно, - Так что ты делать то собираешься?

-Сама не знаю... Тетя Нина сказала, сегодня ей некогда, а завтра будем обсуждать мою жизнь.

-Да-а, тетка твоя не промах! Я слышала, правда, давно это было... что она агентом по недвижимости устроилась, а потом базу данных сперла и свое, вроде, агентство организовала...

-Теперь она зам директора.

-Квартиры?

-Кажется нежилые помещения.

-Жаль... Мне квартира нужна другая, из этой то скоро выпрут. Если будет что – свистни?

-Свистну...

-А самое главное - замуж хорошо она очень вышла. За москвича. Счастливая.

-Не очень. У них детей нет.

-Так это еще лучше!

-Как!?

-А здесь мужики любят, когда они сами дети! Когда их усыновляют, поняла? Так что все к лучшему, не удивлюсь, если она так только говорит, что детей хочет.

-Да вроде нет...

Фрося вдруг вспомнила глаза Димы, когда Нина показывала ей будущую детскую. Его сутулые плечи под растянутым свитером, нервный тик и детскую радость от ее гостинцев.

-Ой-ййй, какие тут девушки-иии! А как вас зову-ууут?

-До свидания, мужчина.

Сказала Инесска с таким лицом и таким тоном, что, расстроенный лысоватый дяденька ретировался так же незаметно, как возник около их стола.

-Ходят тут всякие, - проворчала она возмущенно, - Как их только охрана пропускает?

Они выпили еще, и Фросе уже не было горько. Потому что не горько, когда со льдом. И уже не страшно. Почти уютно, и даже приятно - чувствовать себя такой же, как Инесска, тоже опытной, тоже женщиной с прошлым. Вертеть в пальцах квадратный стакан с толстым дном и слушать удивительные Воробьихины рассуждения о том, как надо выходить замуж... И запоминать, что конкретно ей, Фросе нужно для этого сделать. Она старалась, но запомнила только, что, во-первых, «нужно мужика зашаманить», во-вторых, «использовать по полной программе», а вот что в третьих – забыла. Или прослушала, задумавшись. Засмотревшись на всевозможных женщин, которых чем ближе к вечеру, тем все больше становилось за соседними столиками. Она любовалась их уверенными, ленивыми и шикарными жестами, и пыталась угадать, кто они... Видимо, это те, которые уже зашаманили. И уже использовали. И уже...

-Девушки, можно к вам?

Фрося не успела ответить, а незнакомый мужчина уже сам подсел, втиснув между ними свою табуретку.

-Вы не возражаете? Я мирный...

-Не возражаем, - изумила Фросю Воробыха.

-А то, вы знаете, я тут с компанией... Да они скучные.

-А мы - веселые! – заверила Инесска.

-И красивые... – согласился мужчина.

С первых же мгновений Воробыха закрутила с мужчиной лихой, бесшабашный флирт. Видно было, что ей это привычно. А может, тут вообще так принято? Как же она отстала от жизни...

Фрося только поражалась, когда незнакомец вдруг обращался к ней на «ты», будто к старой знакомой. Только улыбалась. Отвечала только «да» или «нет». И теребила от смущения как дурочка косу. Мужчина - она не знала этого, не могла знать – а мужчина тихо млел от ее молчания. От косы, сарафана и всего остального. И говорил все горячее. И платил все щедрее - Воробыха заказывала костлявой официантке самые дорогие коктейли, а он платил. Она, кстати, оказалась явно опытной и не такой уж злобной. Фросе даже показалось пару раз, что они с Воробыхой незаметно перемигнулись – мол, давай-давай, раскручивай клиента, пока добрый!

Звали мужчину Толик. Толик был неопределенного возраста – может, тридцать, а может, и все пятьдесят. В черном костюме и белой, растянутой на шее рубашке, загорелый, подтянутый. В принципе, как с картинки. Только немного мятый, немного лысоватый и немного слишком суетливый. Но это, вероятно, от выпитого.

-У меня там, в первом зале сестра младшая сидит. С женихом. Она все своих женихов мне показывает, чтобы я оценил... Не везет ей с мужиками. Вот и просит у меня совета, а что я могу ей посоветовать? У меня у самого сын взрослый, в институте учится, на первом курсе...

-А жена? - прищурилась Инесска.

-Мы в разводе, давно-о уже... Я им все оставил, и квартиру, и все...

-А сам то где живешь?

-А сам то я живу... на работе, - не без некоторой рисовки, вздохнул кокетливо Толик.

-И работаешь кем?

-А кем ты думаешь? – в свою очередь прищурился он.

-Ну, если так спрашиваешь, то одно из двух - или фсбешник или банкир!

Он захохотал. Почему-то его это рассмешило. И он весело чокнулся с Воробыхой высокими бокалами с трубочкой.

-Значит, угадала! – заключила она.

Когда он, извинившись, выкарабкался из-за стола, удалившись то ли в туалет, то ли к барной стойке за сигарой, Инесса заговорщицки зашептала захмелевшей Фросе, навалившись грудью на стол:

-На ловца и зверь бежит! Нехилый дядька-то, по моему, а? В разводе... и, кажется, не врет... Как тебе?

-Да так... А почему ты того, другого отшила, а этого – нет?

-Потому что... Видела, какие у него ролексы?

-Что-что?

-Часы! Такие стоят как половина твоей квартиры в Североуральске.

-Откуда ты знаешь?

-Знаю. Меня один клиент гей научил разбираться. Он консультантом в ЦУМе работает...

А ты молодец - пришла, увидела, победила!

-Кого?

- Не знаешь – кого? Он же на тебя запал.

-Да что ты, нет, нет...

-Давай-давай, не тушуйся. Нормальный вариант... Или – ты зачем, вообще, в Москву то приехала? На Кремль посмотреть?

-Так мне, по-твоему, нужно с ним теперь...

-А как ты думаешь?!

-Ну... я думаю... должен же он мне хоть немного нравиться...

-А вот это не желательно как раз, – задумчиво протянула Инесса.

-То есть... как, Инн?

-Нет, - грозно отрезала Воробыха, - Нет. Это ты, ты ему должна нравиться. А не наоборот. А то - мне уже один нравился здесь. Красавец, мать его! Теперь ребенок, съемная квартира и пахота в этом «Альдо Коппола», блин... Нет уж! Уж лучше я им буду нравиться. Да тебе, помнится, тоже уже кое-кто нравился, так? Правильно? И что из этого вышло?

Фросе дурно, мысли плывут и мысли неприятные, грустные. Воспоминания о том первом – гражданском браке, в который, как в глухой тупик уперлась легкая пролетка ее мечтаний о будущей жизни. Разбиться напрочь - не разбилась, уж слишком мастера хорошие делали, папа с мамой. Но и не выехала из тупика. Так там и гниет уже года три - ни туда и ни сюда. Стоит, продуваемая ветрами, высушенная солнцем, вымоченная ливнями. Лошади разбрелись, кучер спрятался... и хочется к маме.

Воробыха, неожиданно быстро сорвавшаяся в туалет, что-то застряла там надолго. А Толик, напротив, вернулся. Дымя толстой пахучей сигарой, он одобрительно оглядел газовый шарфик на Фросиной груди. И вдруг интимно склонился к ее уху.

-Слушай, - проговорил он значительно, - ты мне нравишься.

Вероятно, для еще большей значительности он взял Фросю за руку. И напрасно. Рука у него теплая, ласковая, мягкая... слишком мягкая для мужчины. У мужчины не такая должна быть рука – «У меня, наверное, и то сильнее...», подумала Фрося. И вдруг так ясно увидела свою власть над ним, свою превосходящую силу! Это было удивительное ощущение. И, как более сильный, она в одну минуту стала очень спокойна... слишком спокойна. Гораздо более спокойна, чем ему бы хотелось...

-А ты мне нет. Извини.

-Что - совсем?

Он, очевидно, ей не поверил. Настолько очевидно, что Фросе пришлось пояснить, будто даже оправдываясь:

-Нет, ну не совсем... Так, если поболтать... Не более.

Он минуту смотрел на нее в упор. Глаза его, светло-карие с мутными, как в желтоватой пленке белками, в коротких, очень черных ресницах были умные... и грустные. И еще какие-то очень-очень одинокие. От этой одинокости Фросина улыбка из доброжелательно-вежливой постепенно сделалась искренней.

-Что, и телефон не оставишь?

-Зачем?

-Увидится...

-Если только увидится, но не так, чтобы...

-Я понял, конечно.

Она оставила ему свой номер, она не боялась, совсем. Она отлично видела, что он... ручной - как говорила Нина про Диму. Именно поэтому она не сразу, не резко - чтобы не обидеть, но все же уверенно отняла у него свою руку.

-Нет, ты правда? Серьезно? – опять не поверил Толик.

Ей даже смешно стало.

-Да. А вы, то есть ты - сомневаешься? Вы думаете, я кокетничаю с вами?

-А что - нет?

Фрося помотала головой с такой искренней симпатией, что сомнений в ее правдивости не осталось бы даже у самого Нарцисса.

-Нет, - сказала она совершенно по-честному.

-Ты сте-ерва, - протянул Толик восхищенно, и добавил - Люблю стерв!

-Так значит – точно?

-Точно, - хихикнула Фрося.

-Жаль...

Тут, то ли непривычное количество алкоголя создало у нее в душе такой эффект, то ли он все-таки не совсем ей не нравился. Но Фросе стало его и вправду жаль. И тогда она выпалила, чтобы хоть как-то его повеселить:

-Вы моей подруге, кажется, нравиться!

-А! – охотно развеселился Толик, - Так ты мне свою подругу подсовываешь! Ох, и стерва!
- похвалил он еще раз.

Но, когда наконец то вернулась из туалета Воробыха, он живо повернулся к ней. Через минут пять он уже положил ей руку на спинку стула, а потом и на плечи. И Воробыхина соблазнительная нога совсем вылезла из под столика, напрочь перегородив проход официантке. Кстати, на попе у нее оказались обтягивающие бархатные бриджики.

Когда собрались уходить было уже за полночь. Воробыха вопросительно подняла брови, скосив на Толика пьяные глаза со слегка с расплывшейся тушью. Фрося чуть заметно поморщилась и отрицательно помотала головой. Кажется, Толик это заметил. Но, если и так - виду не показал. Наверное, здесь и вправду так принято.

- Ну и дура.

Обозвалась пьяная Инесска перед тем, как уехать куда-то вместе с не менее пьяным Толиком. Глаза Толика говорили ей примерно то же самое через Инесскину голову.

-Ты на тачке поезжай, - позаботилась Воробыха, - Ме... метро уже закрыто...

Они посадили ее в машину прямо у дверей паба. И Толик дал пятьсот рублей довольному водителю, который заверил его, что, мол:

-Всо сдэлаю, родной! Канэчна доведу, всэгда здэсь стоим, что ты, дарагой?!

...Кажется, еще вчера она была дома. И если бы не идиотское решение, принятое по большей части из-за мамы, сейчас Фрося давно спала бы в своей комнате. За окном пели бы соловьи, заглушая трелями хрип теряющих сознание от паленой водки алкашей, за стенкой уютно ворочалась бы на старой скрипучей кровати мама. А теперь - прямо как в идиотских Золуш-

киных мечтах, она ехала по темным огненным улицам. Мимо, безостановочно смея друг друга, мелькают неоновые проспекты, старые площади в искусной подсветке, темные подворотни. Как в жизни - то широкая, светлая дорога, то вдруг – туннель. Или даже тупик. От частой и непрерывной смены картинок укачивало, мельканье за темным окном делалось все более тошнотворным, как и песни радио «Шансон», хрипящего в допотопных динамиках раздолбанной «пятерки». Какая надоедливая песня – почему все хорошие песни короткие, а все плохие – такие длинные?

Да еще из сумки, не давая окончательно уснуть, раздается противное, нудное дребезжание. Какой навязчивый, неприятный звук... так это же у нее! Ну, конечно – мобильник. Кто-то, похоже, обзвонился, а она и не слышала...

-Алло?! Алло?! Толик?

Поздно. Короткие гудки...

-Слушай, а дэти эсть?

Несмотря на кавказский говор и соответствующую внешность, водитель до смешного напоминал Старого. Наверное интонацией вопроса – печально-всезнающей и еще тем самым, фирменным «шоферским» прищуром.

-Нет.

-Замужем?

-Нет...

-А у мэня – четверо... и жена нэ работает... мне эти пятьсот рублей на семью - целый день кормить могу! А вы на такси до дома доехать... а дэтей нет. Нэправильно это...

Фрося аккуратно, очень стараясь не шуметь, вставила ключ, выданный недавно Ниной, в замочную скважину. Повернуть его она не успела – дверь распахнулась сама, как по волшебству. За дверью стояла Нина в шелковом пеньюаре с алыми маками.

-Н-ну, ты дае-ешь... Растешь в моих глазах, - похвалила она, - Только телефон клади в следующий раз поближе. А то твоя мама меня проклянет на фиг...

-Тетя... то есть... Нин. Тут мы с Воробыхой... то есть - с Инесской Воробьевой, помните? Ну, не важно. Вот, она вам привет, кстати...

-Спасибо. Ей тоже.

Из спальни появился взлохмаченный Дима в забавных полосатых «семейных» трусах.

-Здрассьте... О! Однако.

Это, наверное, и вправду было смешно. Она попыталась улыбнуться. Так и улыбалась – когда упала на бордовый диван. Когда провалилась в мягкое шелковистое покрывало. И - в сон.

Глава 10. Февроша. Федор

«...Вода. Как же можно на такую красоту сердиться? Нельзя. Февроша отошла подальше, за густые кусты, за большую иву – здесь тихо. Одной лучше купаться.

У нее глаза как точно эта вода - и серые и зеленые, с золотыми пылинками. Волосы у лба почти совсем темные, а кончик косы колечком загнулся, на солнце будто золотое горит. На руках пальцы длинные, сильные, ноги большие. А если встать в воду по щиколотку, то кажутся махонькими... Вот почему так? Дальше, дальше... Сейчас вода все смоем - пот и усталость, и зной, и грусть, и обиду человеческую. Ох... Спасибо, Господи!

Вышла как новая, будто заново на свет родилась. И уже весело на сердце, сердце то молодое, никуда не денешься. Уже вот и песня в нем родилась, на губы просится. Оделась, оправилась, косу выжала, бросила за спину. Нагнулась миску поднять – надо же, в тенечке, в прохладе стояла - и все равно горячая! А когда выпрямилась... даже не вздрогнула. Только спросила тихо:

-Что тебе?

-Что? А ты не знаешь?

-Знаю.

-Осень скоро. Свадьбы кругом готовят. Брат твой на Матрене дочке кузнецовой женится.

-Знаю...

И вдруг - аж зашумело в ушах! Где же это он был все время, что она купалась? Когда думала, что одна здесь?

-Что тебе, Федя? - совсем по-другому уже спросила.

-Когда же мы с тобой поженимся?

-Никогда, Фе...

Вскинул ручищи - просто лапы огромные! Только еще протянул, а миска уж выпала из рук. Уже рубаха его порвана, сползла с плеча, и шрамы глубокие, страшные по всей груди. Старая рана, а на всю жизнь. Она долго лечила его - не шутка, если медведь-шатун подерет! Тогда такой слабый был, между землей и небом парил, за жизнь только через ее глаза задевал. А теперь вот у нее едва сил хватает держаться за влажное полотно, тянуть назад.

-Не забуду волшебю твою, как ты меня тогда гладила... руки твои... слова...

Она тоже помнит - как забыть? Когда внесли его, окровавленного, к ней в дом. Так вот сразу – к ней. Толпились молча в сених парни, и с воем потом мать его выводили на улицу.

-Как смотрела на меня... Что же теперь не смотришь?!

-На тебя смотрела, а видела – Его.

Вцепился в плечи - не больно, но накрепко, насмерть, не отпустит. Дыхание его громче всех звуков, что есть в мире, мнится, громче колокольного звона вдали! Но нет... Вот овод пролетел, жужжа, и как опомнилась. Желтоватый костяной крестик на льняной нитке выпал из порванной рубахи, открылся на темной потемневшей за лето груди... Это ведь она наказывала ему носить не снимая, надела ему на шею когда он в первый раз очнулся. Когда вернулась его душа из нави, из Морановых владений, куда Февроша ходила за ней...

-Пусти, Федя, не грехи хоть ради благодарности.

-Чего тебе еще надо? Чего?!

-Любви...

-Какой же тебе еще любви дать? А! Вот сейчас... будет тебе... все будет...

Запрокинулась голова и воткнулся взгляд острой иглой в полинявшую полотняную синь неба. Того облака уж и следа нет. Да есть другие. Мало ли в небе облаков? «Господи...»... И он вдруг слабеет руками. Оступается на скользкой осоке и... падает в воду! Поднимается смешно, неловко, весь тяжелый, а взгляд еще тяжелее. И бежит прочь, шатаясь и рыча, как тот медведь:

-Ведьма! Чернокнижница!

Словно проклятием в сердце засел лютый и дурной вопрос.

-Чего тебе надо?! В одном гробу разве с тобой ложиться...

Сколько уже минут или часов сидит она на прибрежном песке? Плывет мыслями, уронив голову на согнутые колени. Солнце печет непокрытую голову, допекает. А встать нет сил... навек, что ли, здесь остаться?

-Не плачь, Февроша... пойдём... ничего.

Одна у нее добрая подружка – рыжая Марьюшка. Забеспокоилась, нашла. Подняла и ее с земли и пустую плоску из осоки достала. Увела.

Ничего не переменится в этом мире, все вечно. Как трава – всегда зеленая. А по ней бусинами рассыпанные красные ягоды.

Раз Он так создал, значит – так и надо...».

Глава 11. ПЕТЮНЯ

Петюня «завис» на полминуты, слушая до дурноты, до слез, до рези в желудке знакомый позывной мобильного. Задрожал рукой над клавиатурой прежде, чем нажать на сброс.

Рука в буквальном смысле дрогнула, да так заметно, что Петюня удивленно уставился на собственную кисть. И машинально отметил, что пальцы у него кошмарно неухоженные, чуть ли не с заусенцами. Стало противно и в то же время злорадно на себя. А пускай! Да и кому это нужно вообще - с такой то рожей... Ха! Вот теперь то он самый, что ни на есть вылитый Звездный Мальчик!

Петюня криво усмехнулся. Был такой одноименный фильм-сказка в детстве – жуткий! Там, свалившийся откуда то с неба, вероятно - с какой-то волшебной звезды младенец вырастает в умопомрачительно красивого подростка. А потом некий чародей, что бы вы думали? - ни много, ни мало, в одночасье превращает этого писаного красавца в кошмарного уродца! За плохое поведение. Ничего метаморфоза, правда? Маленького Петю такой сюжет неизменно пугал. В особенности тот эпизод, где уродец впервые видит себя в зеркале после превращения. Как теперь оказалось – не зря.

-Кто звонил?

-Пашка...

-Ты... отключился?

Недоверие в голосе Генки Сладкова лучше всего другого показало бы несведущему в их иерархии человеку степень Генкиного уважения к отключенному так запросто абоненту. На лице его – узком, бледном, очкастом, с редкими юношескими прыщами, а впрочем, довольно приятном, отразилось еще большее удивление. И Петюня неохотно пояснил:

-Опять к врачу будет тащить. Нашли ему там кого-то, то ли хилера, мать его, то ли шамана...

-Так может быть... А?

-Да пошли они на хер! Все равно ни фига не помогает, только деньги с Пашки дерут, козлы, пользуются...

В доказательство Петюня сунул под нос Генке, который поспешил отвести взгляд, ладони, изуродованные экземой. И усмехнулся, понимая. Кому ж приятно на такое смотреть?

Он сам таких рук у себя и не помнит. Разве только в детстве, когда с Павликом гоняли по Алупкинским сказочным тропинкам на допотопных самокатах. Только в детстве... Только вот в детстве ощущение от чумазных, заскорузлых пальцев с черной канвой под ногтями было другое. Он вообще не замечал их, а заодно ни руки, ни ноги, ни все остальное. Даже само свое существование, это долбанное присутствие в этом долбанном мире не замечал. Зато теперь только об этом и думает. Только об этом и беспокоится. А больше этого еще только об одном – о реакции окружающих на это его существование.

-А девки меня, кстати - я заметил, и так любят. И Маринка, и Верочка. И Даша, между прочим...

-Ага.

-Правда-правда! Не отвернулись таки от уродца.

-Ну и что?

-А то! Выходит, что они ко мне липли не только из-за красивой морды...

-Не, не только, - согласился Генка, - Еще из-за высоких моральных качеств.

-Ха-ха-ха...! Это точно. Кстати, о моральных качествах – наливай уже!

В небольшой старой двушке на Кутузовском царил респектабельный флер основательности и комфорта, который появляется в любой квартире после качественного дорогого ремонта.

И тот характерный особый дух, что придает жилищу холостого молодца многодневная перманентная пьянка.

Из спиртного было в основном шампанское и водка. На улице уже неделю стояла жара, так что холодное шампанское покупалось ящиками. Но плотные темные синие шторы и новый кондиционер создавали в помещении такие мрак и холод, что пила в основном водка.

-Наливай!

Петюня привычным жестом подставил под водку бокал для шампанского на длинной витой ножке. И сам усмехнулся:

-Н-да. Такой вот микс...

Генка Сладков послушно стал лить в искрящийся голубыми гранями хрусталь отливающую синим, густую – только что из холодильника, Смирновку.

-А тебе плохо не станет?

-Не-а! Мне станет хо-ро-шо!

-Да тебе уже и так хорошо, по-моему.

-Да-а... И так хорошо. И сяк хорошо. О! Слышишь? А щас будет еще лучч-че!

Он наклонил сильно на бок голову в хлопковой растаманской вязаной шапочке, прислушиваясь. Из-под шапочки на лоб, на уши и сзади на шею серыми, вьющимися в кольца червяками липли не то грязные, не то мокрые пряди. Петюня клоунски поднял указательный палец.

Действительно, откуда-то из глубины квартиры – а точнее, конечно же, из ванной, послышались звонкие девичьи голоса. Через пару минут в комнату вошли обладательницы голосов – две девушки, при взгляде на которых любой гностик поверил бы в существование неких исполняющих желания пери из восточных сказок. Или даже скорее это были не пери, а... ожившие картины Бориса Вальеджо! Разумеется, блондинка и брюнетка. Только этим они и отличались друг от друга. Этим и еще цветом белья. Ибо они были в белье – одна в красном, другая в нежно голубом с блестками.

-Девчонки, о! Идите сюда.

-Да-да, н-не с-стесняйтесь... сь.

Несколько непослушным голосом поддакнул Генке Петюня. У самого у него даже в полумраке проступил румянец смущения на и без того уже красном от водки и экземы лице. Теперь его светлые, некогда пепельные, а теперь грязно-серые волны волос только подчеркивали болезненную, а кое-где пугающую красноту кожи. По обеим сторонам рта, на висках и особенно – на шее.

-Выпьем, девочки! – предложил Сладков, - За красоту!

-Спасибо, мальчики, - улыбнулась брюнетка, - Вы пейте, а мы потом.

-Не обижайтесь, - мило добавила блондинка, увидев удивленные и разочарованные лица мальчиков, - Не обижайтесь, мальчики, мы ведь на работе. Нас начальник заругает, еще из зарплаты вычтет...

-Лучше так сделаем - вы отдыхайте, а мы к вам поближе присядем, пообщаемся. Ага?

С этими словами картина Валледжо плавно и неощутимо, как в замедленной съемке, подступила прямо к дивану. Так близко, что почувствовался запах влажной, только что вымытой кожи. Петюня не решался поднять глаза, боясь, вероятно, ослепнуть. Потому что сейчас перед глазами у Петюни была тонкая загорелая коленка. Такая гладкая, блестящая и упругая – словно каучуковая. Он даже протянул к ней руку, чтобы проверить догадку. И тут же отдернул ее. Слишком разительным оказался контраст бледной изъеденной язвами кожи с этим неведомым на земле материалом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.